ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 51 (3080) Вторник, 28 апреля 1953 г. Цена 40 коп.

Да здравствует внешняя политика Советского Союза — незыблемая политика сохранения и упрочения мира, борьбы против подготовки и развязывания новой войны, политика международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами!

(Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1953 года).

К выступлению президента Эйзенхауэра

Прошло восемь лет после победы союзников — СССР, США, Англии и Франции — над гитлеровским фашизмом и окончания второй мировой войны. Советские люди вынесли на своих плечах основную тяжесть великой борьбы. Они шли на это, чтобы отстоять свободу и независимость своего отечества, помочь порабощенным народам Европы в освобождении от фашистского ига и обеспечить после окончания войны прочный мир и международную безопасность.

Неуклонно отстаивая дело мира между народами, Советский Союз, как и раньше, стремится к развитию международного сотрудничества. В выступлениях Г. М. Маленкова, Л. П. Берия и В. М. Молотова 9 марта 1953 года выражена неизменная воля советского народа к укреплению всеобщего мира.

16 апреля в Американском обществе редакторов выступил президент США Эйзенхауэр с речью, посвященной вопросам международного положения. Эта речь является как бы ответом на недавние заявления Советского Правительства о возможности мирного разрешения спорных международных вопросов.

Именно этим обстоятельством объясняется тот интерес, который проявляется во всех странах к речи президента широкими общественными кругами, ожидавшими реагирования руководителей англо-американского блока на новое выражение миролюбивых стремлений СССР.

С сочувствием встречены слова президента Эйзенхауэра: «Мы добиваемся подлинного и полного мира во всей Азии, как и во всем мире», так же как его заявление, что «ни один из этих спорных вопросов, будь он велик или мал, не является неразрешимым при наличии желания уважать права всех других стран».

Слова президента о мире и о том, что ни один из спорных вопросов не является неразрешимым, находятся, однако, в противоречии с другими его высказываниями в этой речи.

Желающие усмотреть в выступлении Эйзенхауэра действительное стремление к миру не могут не спросить: зачем понадобилось президенту в речи, призывающей к миру, недвусмысленно угрожать возможностью «атомной войны»? Неужели такого рода аргументы сделают речь президента о мире более убедительной? Во всяком случае, в отношении Советского Союза подобные доводы или, говоря прямее, подобные угрозы никогда не достигали и не могут достигнуть цели.

Президент США затронул в своей речи целый ряд международных проблем, значение которых неодинаково. Но в конечном счете он посвятил свою речь, главным образом, вопросу о взаимоотношениях с Советским Союзом. Он заявил: «Мне известен только один вопрос, от которого зависит прогресс. Этот вопрос заключается в следующем: что готов предпринять Советский Союз?» К этому он добавил: «Истину проверить просто. Убедить можно лишь делами».

Что же? Нельзя не согласиться: дела ценнее слов.

Обратимся поэтому к тем важным международным проблемам, от правильного разрешения которых зависит укрепление мира.

Прежде всего, — о корейском вопросе.

Можно ли отрицать, что в последние годы в центре внимания международных кругов были такие вопросы, как вопрос о войне в Корее, вопрос о восстановлении национального единства Кореи? На таких вопросах, как известно, и проверялась внешняя политика многих государств в эти годы.

Советский народ неизменно оказывал поддержку всем шагам, направленным на заключение справедливого перемирия в Корее. Недавнее предложение правительств Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики, давшее новую возможность перейти от слов к делу и открывшее перспективу окончания войны в Корее, было сразу же поддержано Советским Правительством.

Те, кто ищут конкретных ответов, — не слов, а действий, — направленных на решение актуальных вопросов международных отношений, могут оценить значение указанного факта.

Обратимся к другим международным проблемам.

Кто может забыть, например, о германском вопросе или отговориться общими фразами от такой важной международной проблемы, как восстановление национального единства Германии на демократических и миролюбивых началах? Кого может удовлетворить не только в Германии, но и за ее пределами, такой подход к этому вопросу со стороны того или иного государства, когда, скажем, западную часть Германии просто рассматривают, как орудие своей «динамической» внешней политики в Европе, не учитывая, как на это будут реагировать некоторые народы Европы и, прежде всего, французский народ, который не раз бывал жертвой милитаристской Германии.

Разве не ясно, что решение вопроса о Германии требует учета жизненных интересов всех соседей Германии и интересов укрепления мира в Европе и, прежде всего, непременного учета национальных чаяний германского народа.

В речи президента США нет основы для решения этого вопроса. Он не посчитался с наличием Потсдамских соглашений четырех держав по германской проблеме. Так поступало и прежнее правительство США. Но если признать разумной необходимость положительного решения германской проблемы в духе укрепления мира в Европе, как к этому неизменно стремится Советский Союз, — нельзя забывать об указанных важных международных соглашениях, под которыми стоят подписи обоих наших государств, а также Великобритании и присоединившейся к этим соглашениям Франции.

Если англо-американский блок не посчитается с этим и пойдет дальше по намеченному им пути, сделав невозможным национальное объединение Германии и превратив западную ее часть в милитаристское государство, в котором власть останется в руках реваншистов, — будет совершена роковая ошибка, прежде всего, в отношении германского народа. Вместе с тем, такая установка в германском вопросе несовместима с интересами всех миролюбивых государств Европы и всего прогрессивного человечества.

Речь идет о том, чтобы как можно скорее был заключен мирный договор с Германией, дающий германскому народу возможность воссоединиться в едином государстве и занять подобающее место в содружестве миролюбивых народов, и чтобы вслед за этим были выведены из Германии оккупационные войска, содержание которых ложится дополнительным бременем на плечи германского народа.

В выступлении президента США, затрагивающем широкий круг международных вопросов, ничего не сказано о Китайской Народной Республике, о восстановлении национальных прав Китая в Организации Объединенных Наций, а также о его законных территориальных правах, включая остров Тайвань. Разве этот вопрос не относится к неотложным международным проблемам наших дней? И все же остается фактом, что в этой большой речи вопрос о Китае не получил освещения. А это значит, что в отношении Китая упорно проводится политика, продиктованная стремлением повернуть неуклонно развивающиеся события вспять, хотя каждому зрячему человеку видно, что такая политика обречена на неизбежный провал.

Эйзенхауэр в своей речи формулирует пять «заповедей», которые, по его словам, определяют «поведение Соединенных Штатов в области международных дел». В этих «заповедях» говорится, что «все человечество жаждет мира, братства и справедливости», что «каждая страна обладает неотъемлемым правом на создание по собственному выбору своей формы правления и своей экономической системы», что «попытка любой страны навязать другим странам форму правления не может быть оправдана» и т. д.

Если бы эти принципы действительно определяли политику США и если бы они не оставались только общими декларациями, — это должно было бы сказаться и в отношении корейского вопроса, и в отношении Германии, и в отношении Китая. В том-то и дело, что декларации не подкрепляются делами, что действительная политика США до сих пор мало считалась с подобными декларациями при решении этих и многих других международных вопросов.

В выступлении президента уделено особое внимание народам Восточной Европы. Из его слов следует, будто формы правления в странах Восточной Европы навязаны извне, хотя это противоречит общеизвестным фактам и действительному положению в этих странах.

Факты показывают, что только в упорной борьбе за свои права народы Восточной Европы пришли к нынешней народно-демократической форме правления и что только в новых условиях они смогли обеспечить бурное развитие экономики и культуры в своих государствах. Было бы странно ожидать от Советского Союза вмешательства в пользу восстановления свергнутых этими народами реакционных режимов.

В то же время президент просто грешит против общеизвестной исторической закономерности, когда он «призывает» руководство Советского Союза «использовать свое решающее влияние в коммунистическом мире» для того, чтобы задержать освободительное движение колониальных и полуколониальных народов Азии против векового гнета и порабощения. Трудно рассчитывать на правильное понимание международных проблем, пока национально-освободительное движение рассматривается как результат инспирации отдельных «злонамеренных» людей.

Совсем уж непонятно упоминание президента насчет предоставления «другим народам, в том числе народам Восточной Европы», свободы объединения с другими странами в «мировом правовом сообществе».

Всем известно, кто именно препятствует принятию некоторых народно-демократических стран в Организацию Объединенных Наций и кто мешает восстановлению законных прав великого Китая в ООН. Разве не представители Советского Союза внесли предложение принять в Организацию Объединенных Наций 14 стран, — предложение, которое было отвергнуто голосами англо-американского блока?

Что касается австрийского договора, в отношении него можно повторить, что и здесь нет таких вопросов, которые нельзя было бы решить на основе достигнутой ранее договоренности при действительном соблюдении демократических прав австрийского народа.

Относительно Организации Объединенных Наций.

Президент выразил в своей речи готовность превратить ООН в институт, который мог бы действенно охранять мир и безопасность всех народов.

Не по вине Советского Союза эта организация не выполняет сейчас возложенных на нее задач. Не поздно, однако, и теперь поднять значение ее деятельности, особенно в деле укрепления мира и международной безопасности, что являлось главной целью создания этой организации.

Для этого, прежде всего, необходимо, чтобы принципы ООН соблюдались всеми ее членами, чтобы не нарушались самые основы ее Устава. Для этого необходимо, чтобы ни одно правительство не стремилось превратить ООН в подсобный орган своей внешней политики, так как это несовместимо ни с принципами Организации Объединенных Наций, ни с целями защиты интересов нормального международного сотрудничества и укрепления мира.

Для чего, спрашивается, все 60 членов Организации Объединенных Наций подписались под ее Уставом, важнейшей частью которого является правило единогласия пяти великих держав при рассмотрении вопросов обеспечения мира в Совете Безопасности? Не для того же, чтобы это признанное всеми странами правило на практике игнорировалось некоторыми государствами! И не для того, конечно, чтобы рассматривать этот международный принцип, как какую-то обузу или помеху деятельности ООН и Совета Безопасности.

Наконец, кто может считать нормальным такое положение, когда самая большая страна в мире — Китай лишен возможности участвовать в работе Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, а вместо этого в органах ООН торчит какое-то гоминдановское чучело.

Разве такое положение может способствовать укреплению авторитета ООН? Разве при таких порядках можно рассчитывать на нормальное развитие деятельности Организации Объединенных Наций и на выполнение ее обязанностей в деле упрочения мира и международной безопасности?

Во всяком случае, от решения этого вопроса, как и ряда других назревших международных проблем, нельзя уйти. Если все мы стремимся к тому, чтобы было меньше слов и больше дел, то, очевидно, можно будет найти путь и к решению проблем такого рода.

Не без основания президент связал в своем выступлении вопрос о сокращении вооружений с необходимостью уделить более серьезное внимание экономическим проблемам, проблемам борьбы с нищетой и нуждой. Однако, едва ли кого-либо удовлетворит, если это дело будет сведено к образованию некоего «фонда помощи всему миру», о котором говорилось в этом выступлении.

Одного громкого названия для такого «фонда» недостаточно.

Другие будут результаты, если подход к такой проблеме будет основан на действительно широком и демократическом сотрудничестве между странами при полном уважении суверенных прав народов и без навязывания получающим помощь странам политических условий.

Пока что из сказанного президентом насчет «фонда помощи всему миру» создается впечатление, что здесь мы имеем новый вариант не оправдавшего себя «плана Маршалла» и, вместе с тем, продолжение, под другим названием, непопулярного «четвертого пункта Трумэна», который при помощи грошовых подачек тем или иным слабым государствам стремился подчинить бюджеты и экономику отдельных стран и колониальных территорий, — а значит, и сами эти страны и территории, — так называемым «динамическим» целям внешней политики США. Как видно, теперь имеется в виду пойти дальше по этому же пути.

Нельзя не считаться с тем, что в последнее время дело доходит до прямого отказа от американской экономической «помощи», как это видно на примере Бирмы и некоторых других государств.

Известно также, что в последнее время со стороны ряда государств делаются определенные заявления, что они заинтересованы не столько в так называемой «помощи» от США, сколько в том, чтобы Соединенные Штаты Америки не ставили все новых и новых препон на пути к развитию нормальной торговли между государствами, на пути расширения международного товарооборота.

Дело доходит до того, что даже в странах, примыкающих к возглавляемому США блоку, и прежде всего, в Англии, все громче становится ропот против ограничений торговли с государствами демократического лагеря, диктуемых со стороны США.

Призывы к миру, содержащиеся в речи президента, разумеется, встретят с нашей стороны должную поддержку. Однако, трудно отрешиться от того факта, что внешнеполитический курс правительства США пока что далек от этих миролюбивых призывов. Наглядным подтверждением тому являются, например, те комментарии к речи президента, которые были даны всего два дня спустя после выступления Эйзенхауэра таким авторитетным лицом, как государственный секретарь США Даллес.

Нельзя не согласиться с бывшим министром лейбористского правительства Англии Стрэчи, который охарактеризовал речь Даллеса, как стремление превратить речь Эйзенхауэра «в акт войны».

Даллес в известной мере пролил свет на удививший всех факт умолчания в речи Эйзенхауэра о Китае. Оказывается, правительство США озабочено судьбой так называемого «национального» Китая, т. е. чанкайшистских отщепенцев, выброшенных китайским народом из пределов страны в результате победоносной борьбы. Что же касается действительно национального Китая со своим единственно законным народно-демократическим правительством, то Даллес даже ставит в заслугу правительству США организованную им политическую и экономическую блокаду Китайской Народной Республики.

Воинственность Даллеса давно известна. Возможно, что его выступление является несколько вольной интерпретацией речи президента. Но нельзя не считаться с тем фактом, что он возглавляет Госдепартамент США и его слова волей-неволей связываются с официальной точкой зрения правительства, возглавляемого Эйзенхауэром.

Поэтому мы не можем обойти молчанием утверждение Даллеса, будто призыв советских руководителей к мирному урегулированию спорных вопросов был сделан под нажимом так называемой твердой политики США. Всему миру известно, однако, что советские руководители определяют свои действия не соображениями о «твердости» или «мягкости» политики той или иной страны в отношении СССР, а исходя из коренных интересов советского народа, из интересов мира и международной безопасности.

Хотя воинственная поза, которую так любит Даллес, кому-нибудь, возможно, и кажется эффектной, однако, это вряд ли достигает своей цели, в особенности в области дипломатии. Связывая возможность внесения мирных предложений со стороны США с созданием так называемого «Европейского оборонительного сообщества», с планами организации «объединенных вооруженных сил, включающих французские и немецкие силы», то есть с дальнейшей гонкой вооружений, — Даллес, быть может вопреки своему желанию, выдал подлинный смысл проводимой США политики. Но если действительный смысл выступления Эйзенхауэра таков, как это представлено в более пространной речи Даллеса, произнесенной им вслед за президентом в той же аудитории и перед теми же слушателями, оно не может дать положительных результатов с точки зрения интересов укрепления мира.

В связи с такими заявлениями официальных представителей США трудно судить о том, что представляет в действительности внешнеполитическая позиция США в настоящее время. Имеется ли в виду итти по пути уменьшения напряжения в международных отношениях и разрешать спорные вопросы на основе уважения прав других народов, или имеется в виду продолжать прежнюю политику гонки вооружений.

По мнению советских руководителей, предложения, действительно направленные к миру, могут послужить базой для улучшения международных отношений. Это, однако, не значит, что советские руководители готовы принять за такие предложения новые вариации старых приемов.

В своем выступлении президент Эйзенхауэр обратился к итогам послевоенного периода, начиная с того момента, когда «в весну победы солдаты западных союзников встретились с солдатами России в центре Европы».

Говоря об этих итогах, Эйзенхауэр подчеркнул, что после окончания войны страны мира разделились и пошли двумя разными путями. При этом, в полном противоречии с фактами, Эйзенхауэр изображает дело таким образом, будто страны англо-американского блока ставили своей целью укрепление мира и международной безопасности, а Советский Союз и дружественные ему государства не захотели итти по этому пути. Его можно понять даже в том смысле, будто восстановление разрушенного войной хозяйства и укрепление экономической мощи Советского Союза в послевоенный период стало представлять собою «новую опасность агрессии».

Дойти до таких утверждений в отношении СССР, — это значит, по меньшей мере, утратить чувство объективности и не считаться с общеизвестными обстоятельствами, которые с полной определенностью свидетельствуют не только о миролюбивых целях нашей страны, но и о том, что Советский Союз был и остается главной опорой и основным фактором поддержания и укрепления всеобщего мира.

Такие заявления были сделаны президентом, очевидно с той целью, чтобы представить политику англо-американского блока в сколько-нибудь миролюбивом свете. Однако, приведенные им самим цифры и факты насчет крайне раздутых военных расходов США, растущих из года в год, говорят о другом.

Эти факты свидетельствуют о неслыханной ранее милитаризации всего народного хозяйства США, о непосильном для народа бремени военных расходов, о том, что гонка вооружений в США породила в стране атмосферу страха и крайнего напряжения. Такая политика США, способствующая росту военной истерии, толкает и известную группу стран по этому же пути.

Эйзенхауэр говорил об огромных расходах американского правительства на пушки и ракетные снаряды, на бомбардировщики и истребители, на эсминцы и другие военные корабли, не забыв при этом и о прославлении агрессивного Северо-Атлантического пакта. А ведь известно, что политика, вдохновляемая Северо-Атлантическим пактом, означает все новые колоссальные военные расходы. Достаточно сказать, какой огромной растратой средств, собираемых с американских налогоплательщиков, является строительство и содержание военных баз за многие тысячи километров от Соединенных Штатов Америки и особенно на тех территориях, которые имеется в виду использовать в агрессивных целях против СССР.

Президент привел подсчеты, показывающие во что обходится постройка эсминца, истребителя, бомбардировщика и т. п. и сколько можно было бы сэкономить бушелей пшеницы и тонн хлопка или построить школ и больниц, отказавшись от производства подобных военных объектов. При этом было названо не мало поучительных цифр. Но сказанного президентом совершенно недостаточно. Вот если бы президент США рассказал о том, во что обходится американскому народу накопление запасов атомных бомб, а также строительство многих сотен военных баз далеко за пределами США, — а, ведь, все это не имеет ничего общего ни с какими интересами обороны США, — тогда получилась бы картина гораздо более близкая к действительности и во многом более поучительная. Но, как видно, считают, что открыто и ясно об этом говорить «неудобно» или «невыгодно». Тем не менее, истинный смысл такого рода фактов и без того понятен. В них находит свое выражение внешнеполитический курс, преследующий неосуществимые цели мирового господства, что вызывает растущее сопротивление со стороны широких кругов во многих странах.

Что касается нашей страны, то известно, что Советский Союз, неуклонно заботясь о послевоенном восстановлении и развитии своего народного хозяйства, не пошел по пути гонки вооружений. Советский Союз не только не пошел по этому пути, но и неоднократно выступал с конкретными предложениями, чтобы великие державы, вместе с другими государствами, приняли решительные меры к ограничению вооружений, к немедленному сокращению вооруженных сил и военных расходов и, вместе с тем, договорились бы о запрещении атомного оружия с установлением эффективного международного контроля за проведением всех этих мероприятий, исключающего возможность нарушения этих решений со стороны какого-либо государства.

Эйзенхауэр в своей речи затрагивает и вопрос о сокращении вооружений. Этому в ней посвящены соответствующие пять пунктов. Советская сторона, конечно, не имеет возражений против предложений, изложенных в этих пунктах. Однако, все эти предложения носят слишком общий характер, что отнюдь не может сдвинуть с места неотложное дело сокращения вооружений.

По Эйзенхауэру получается, будто правительство США всегда стояло за сокращение вооружений, а Советский Союз стоял на противоположной позиции и чуть ли не мешал этому.

В этом видны попытки свалить на Советский Союз вину за ведущуюся в последние годы гонку вооружений в странах англо-американского блока. Однако, эти попытки не имеют под собой никакой почвы и выражают лишь стремление переложить вину с больной головы на здоровую.

В самом деле, разве в Советском Союзе восхвалялись война в Корее и гонка вооружений как выгодный «бизнес», как лучшее средство обеспечить деловую активность и полную занятость населения? Разве в Советском Союзе существует так называемый «страх перед миром», падают курсы акций на бирже при сообщениях об ослаблении напряженности в международных отношениях? Все это имеет место не в Советском Союзе, а в Соединенных Штатах Америки. При чем же здесь Советский Союз, которому не нужна гонка вооружений, который всегда стоял и стоит за прочный, длительный мир и не испытывает страха перед миром.

Конечно, Эйзенхауэр прав в том, что после победы над гитлеровской Германией пути СССР и США разошлись. Но этот факт в выступлении Эйзенхауэра от 16 апреля получил неправильное, можно даже сказать, искаженное освещение.

Если стоять на твердой почве фактов, всякие неясности в этом деле полностью исчезнут. Нельзя, в самом деле, игнорировать, что страны англо-американского блока, которые в период последней мировой войны были союзниками СССР, сразу же после окончания этой войны повернули руль своей политики. Они во многих отношениях вернулись на старый довоенный путь, когда их отношение к Советскому Союзу никак нельзя было назвать дружественным и когда курс их политики обыкновенно пролегал в противоположном направлении.

Мы не намерены вступать в дискуссию с президентом по поводу довольно странного утверждения о каком-то окончании определенной эры в советской политике. Но мы не можем воспринять без удивления его вывод, будто правительство СССР должно отказаться от преемственности во внешней политике, правильность которой доказана всем ходом международного развития.

Если связывать начало или окончание эры с появлением новых лиц во главе того или иного государства, мы с бо́льшим основанием могли бы говорить об окончании эры в политике США в связи с приходом к власти правительства Эйзенхауэра. Но сам новый президент США почему-то безоговорочно берет под защиту всю политику своего предшественника, которую он в свое время, особенно в период предвыборной кампании, не без основания критиковал во многих отношениях.

В своем выступлении президент заявил о готовности «приветствовать всякое подлинное свидетельство мирных намерений». Вместе с тем, он обратился с вопросом: что готов предпринять Советский Союз?

Известно, что Советский Союз всегда проявлял готовность дружественным путем обсуждать и решать назревшие международные вопросы при условии, что предложения относительно решения этих вопросов, от кого бы они ни исходили, являются сколько-нибудь приемлемыми и не противоречат как коренным интересам советского народа, так и интересам других миролюбивых народов.

В своем выступлении президент США почему-то счел возможным связать свои предложения о мире с целым рядом предварительных условий, предъявляемых им Советскому Союзу, хотя эти претензии в его выступлении не подкреплены соответствующими обязательствами со стороны США.

Такая постановка вопроса уже вызвала законный отпор в самых различных международных кругах. Она не могла не вызвать удивления у людей, способных реалистически оценивать как существо назревших международных проблем, так и действительное соотношение сил и факторов, определяющих международную обстановку. Английская газета «Таймс» справедливо заметила, что «ни одна страна — будь то Советский Союз, Соединенные Штаты или Англия — не захочет обсуждать мирные мероприятия на безапелляционных условиях».

Как известно, советские руководители свой призыв к мирному урегулированию международных проблем не связывают ни с какими предварительными требованиями к США или к другим странам, примкнувшим или не примкнувшим к англо-американскому блоку. Значит ли это, что у советской стороны нет никаких претензий? Конечно, не значит. Несмотря на это, советские руководители будут приветствовать любой шаг правительства США или правительства другой страны, если это будет направлено на дружественное урегулирование спорных вопросов. Это свидетельствует о готовности советской стороны к серьезному деловому обсуждению соответствующих проблем как путем прямых переговоров, так и, в необходимых случаях, в рамках ООН.

В речи президента говорится о том, что при решении спорных международных вопросов «Соединенные Штаты готовы взять на себя справедливую долю». Это заявление не было чем-либо подкреплено в выступлении Эйзенхауэра 16 апреля. Между тем, оно в этом нуждается.

Что касается СССР, то нет никакого основания сомневаться в его готовности взять на себя соответствующую долю при решении спорных международных вопросов. Это Советский Союз доказывал не раз в серьезных международных делах.

Такова международная обстановка, как она выглядит в наши дни.

Проводимая Советским Союзом политика не может противоречить интересам других миролюбивых государств. Она отвечает стремлениям всех государств, которые готовы содействовать развитию международного сотрудничества, независимо от той или иной социальной системы. Эта политика СССР является, вместе с тем, выражением самых глубоких стремлений нашего народа к укреплению всеобщего мира.

(«Правда» от 25 апреля 1953 г.)

Ответ Советского Правительства на письмо Комиссии Конгресса народов в защиту мира

Министр Иностранных Дел СССР В. М. Молотов 27 апреля направил в Париж ответ Советского Правительства Комиссии Конгресса народов в защиту мира, обратившейся к Правительствам СССР, США, Китайской Народной Республики, Великобритании и Франции с предложением приступить к переговорам в целях заключения Пакта Мира между пятью великими державами.

Ниже публикуется текст ответа Советского Правительства:

„Комиссии Конгресса народов в защиту мира:

Фредерику Жолио-Кюри (Франция), Иозефу Вирту (Германия), Пьетро Ненни (Италия), Изабелле Блюм (Бельгия), генералу Буксбаум (Бразилия), Чэн Шен-ю (Китай), Пьеру Кот (Франция), Николаю Тихонову (СССР), Илье Эренбургу (СССР), пастору Эндикотту (Канада), Монике Фелтон (Англия), Дж. Б. Фиггинс (Англия), пастору Форбекк (Норвегия), Ивашкевичу (Польша), генералу Хара (Мексика), Горо Хани (Япония), Китчлу (Индия), Мао Дунь (Китай), Ма Инь-чу (Китай), Сеза Набрави (Египет), Джузеппе Нитти (Италия).

Уважаемые господа.

Советское Правительство получило Вашу телеграмму от 27 марта с. г., направленную д-ром Иозефом Виртом, Пьетро Ненни, Фредериком Жолио-Кюри, по поручению Комиссии, с Обращением Конгресса народов в защиту мира, в котором выдвигается предложение о заключении Пакта Мира между Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки, Китайской Народной Республикой, Великобританией и Францией.

Правительство СССР, следуя своей политике укрепления мира и сотрудничества между народами, солидаризируется с Обращением Конгресса народов в защиту мира и с содержащимся в нем предложением.

Советское Правительство убеждено в том, что не существует такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе договоренности между заинтересованными странами. В соответствии с этим Советское Правительство заявляет о своей постоянной готовности сотрудничать с Правительствами других государств в достижении высоких целей укрепления всеобщего мира и международной безопасности.

По поручению Советского Правительства
В. МОЛОТОВ,
Министр Иностранных Дел СССР».

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР
О награждении писателя Мирцхулава (Машашвили) А. А. орденом Ленина

За выдающиеся заслуги в области художественной литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, наградить писателя **Мирцхулава** (Машашвили) Алио Андреевича орденом **Ленина.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПЕГОВ.

МОСКВА, Кремль
27 апреля 1953 г.

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР
О награждении писателя Айни С. С. орденом Трудового Красного Знамени

За выдающиеся заслуги в области художественной литературы, в связи с семидесятипятилетием со дня рождения, наградить писателя **Айни** Садриддина Саидмурадовича орденом **Трудового Красного Знамени.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПЕГОВ.

МОСКВА, Кремль
27 апреля 1953 г.

Первомайская прелюдия

Кончается апрель.

На днях первая ранняя гроза прошлась по верхушкам высотных зданий Москвы. Прошумел теплый дождь. Прошла гроза. На обновленном небе появилось солнце. Город засиял. По мокрому асфальту бежали автомобили вместе со своими разноцветными отражениями.

Москва готовится к празднику Первого мая. Можно предсказать, что москвичи будут веселиться и отдыхать на славу: они здорово поработали.

Статистика, говорят некоторые, вещь, в общем, скучная. Но не могу удержаться, чтобы сегодня не воспользоваться ею. Итак, несколько цифр. Оформляются тридцать восемь площадей во всех районах города, где три дня будут проводиться народные гуляния. Устанавливается свыше тысячи новых ярких фонарей-светильников. Для участия в концертах на открытом воздухе создано около пятидесяти бригад мастеров сцены и еще четыреста самодеятельных коллективов — свыше десяти тысяч человек. На площадях и в парках танцевальную музыку будет исполнять свыше шестидесяти оркестров. На двадцати девяти стадионах взовьются флаги в честь открытия летнего спортивного сезона. В кинотеатрах будет демонстрироваться около ста художественных фильмов. Во всех театрах утром и вечером пойдут лучшие спектакли. В концертных залах, дворцах культуры и клубах состоятся тридцать пять больших открытых праздничных концертов и двенадцать концертов-спектаклей для детей. Кроме того, силами мастеров сцены будет проведено до двухсот пятидесяти праздничных концертов для детей и двести концертов для взрослого населения.

Я нарочно выписываю все эти цифры прописью, чтобы от нулей не рябило в глазах. Но пока еще счет идет на десятки, сотни и тысячи. Сейчас начнутся десятки и сотни тысяч, миллионы и десятки миллионов.

Универмагами и магазинами заготовлено множество праздничных подарков. Главкондитер выпускает 1.000.000 пакетов кондитерских изделий в мелкой расфасовке. В продажу поступит свыше 3.000.000 пакетов — подарков для детей.

Горячая пора наступила у цветоводов. Оранжереи столицы готовят для украшения города — 20.000.000 штук рассады самых разнообразных цветов.

Вот в самых общих чертах статистическое выражение того, что ждет москвичей в первомайские дни. Кто скажет после этого, что статистика вещь скучная?

В эти веселые, волнующие предмайские дни хочется обнять дорогую Москву со всеми ее парками, площадями, бульварами, эстрадами, танцплощадками и оркестрами, заглянуть во все ее уголки, но, к сожалению, невозможно обнять необъятное.

Придется ограничиться чем-нибудь одним. Например, цветами. Тем более, что цветы — это самая неотъемлемая принадлежность всякого народного праздника, а первомайского — в особенности.

Поедем на фабрику цветов. Прокатимся по предпраздничной Москве, пересечем ее во всю ширину, от Замоскворечья до старинного Измайловского дворца.

После первой грозы Москва нежно золотится в легком утреннем тумане. Мягко рисуются силуэты высотных зданий. Ярко зеленеют газоны у подножья Кремлевской стены. На Красной площади пробуют громкоговорители. В глубине улицы Горького кое-где на домах уже видны красные звезды, нити электрических лампочек. На здании Центрального телеграфа — электрифицированные карты великих строек коммунизма.

Сворачиваем направо и едем по направлению к Бауманской, к Электрозаводской. Всюду пахнет краской, нагретым битумом. Фабричные районы. Новые скверы. Станции метро. Универмаги, клубы, кинотеатры.

Наконец, выскакиваем за город. Сосны. Дачи. Над лесом — косой силуэт самолета. Но город еще не кончился.

Начинается Измайлово. Что это? Рабочий поселок? Пригород? Нет. Это большой новый город. Многоэтажные корпуса. Магазины. Школы. Бензиновые колонки. Метро. Да, это целый город, да и притом не маленький город.

Проезжаем через Измайлово и упираемся в ворота Измайловского комбината декоративного садоводства. Некогда здесь Петр Первый построил для своих потешных полков земляную крепость, окружил ее валом, рвом. Ров наполнил водой. Здесь он проводил маневры. Сохранился кольцеобразный земляной вал. Сохранился кольцеобразный ров с водой.

На том месте, где еще недавно был сосновый лес, теперь выстроена фабрика цветов. Оранжереи-цехи. Они так и называются цехами. Есть и фабричная труба. Это труба котельной, обогревающей оранжереи. Измайловский комбинат — одно из крупнейших хозяйств декоративного садоводства в Советском Союзе и самое большое в Москве. Именно отсюда в предмайские дни везут в Москву в цветочные магазины и в скверы цветы и рассаду.

Влажный, теплый оранжерейный воздух охватывает сразу, как только переступаешь порог первого цеха — цеха гортензий. Зеленые, голубые, белые шары цветущих растений, выставленных вдоль широкого коридора, тянутся бесконечно. В этом роскошном однообразии есть что-то необыкновенно внушительное. Сюда прямо со двора въезжают грузовики и забирают нежный товар сотнями и тысячами.

Вот цех роз, хризантем и сирени. Хризантем и сирени нет, не их сезон. Зато буйствуют розы. В особенности много так называемых полиантовых роз—новинка для Москвы. На длинных побегах целые кисти мелких изящных цветов, таких красных, как будто бы их кто-то обидел. Сейчас повезут их в город, чтобы и они украсили народный праздник.

Целую оранжерею занимают белые лилии «Регале». Карликовый лес диковинных деревьев с симметрично расположенными узкими листьями и длинными гранеными коробочками повисших бутонов. Вот-вот бутоны раскроются. Лилии на днях тоже отправят на праздник.

На фабрику цветов приехали директоры московских цветочных магазинов, они ходят по цехам, выбирая товар. Спрос на цветы в эти дни громадный.

На длинных стеллажах, как войска в боевых порядках, выстроились роты, полки и дивизии цветистых цинерарий, глазастых примул, стоят с поднятыми саблями эскадроны еще не распустившихся гладиолусов. Часть стеллажей занята крошечными горшочками с молодыми цикламенами. Это еще малютки. Каждый из них состоит из одного-двух круглых, жирных листиков. Они расцветут лишь к декабрю, к новому году. Для того, чтобы их вырастить из семян, нужно восемнадцать месяцев. Хлопотливые малютки...

А вот заросли обыкновенных, ремонтантных роз. У них тоненькие длинные стебли и тугие острые бутоны—красные, шафранно-желтые, белые. Их красота еще только угадывается. Но не сегодня-завтра они развернутся и вспыхнут.

Директор комбината Сергей Багратович Парсаданян показывает нам свое веселое хозяйство и улыбается. Может ли не улыбаться человек, профессия которого — выращивать на радость людям цветы?

На лицах работников комбината написано особенное оживление. Это их дни!

Девушка в спецовке возится возле стеллажа, где высажены черенки полиантовых роз.

— Маруся, как у тебя с розами?

— Принимаются, Сергей Багратович.

— Старайся, Маруся. Эти розы пойдут на украшение территории Московского государственного университета.

Приятно быть создательницей такой красоты, как полиантовые розы, особенно если они предназначены для молодежи, для студентов.

Вот руководитель цеха цинерарий и цикламенов, Иван Адамович Виксне. Он сидит на табуретке у входа в свое хозяйство — старый, толстый человек, цветовод с сорокалетним стажем,—и внимательно следит, как две практикантки занимаются пикировкой. Вот что такое пикировка. В плоском ящике из семян вырастают травинки. Через некоторое время их осторожно вынимают и рассаживают по крошечным горшочкам. Потом пересаживают в более крупные горшочки. Так проделывается несколько раз, до тех пор, пока слабая, еле заметная былинка не превращается в цветущий куст.

Это чем-то напоминает наше писательское ремесло. Сначала плоский ящичек записной книжки, где посеяны семена мыслей, мимолетных наблюдений, метафор, сюжетов. Из записной книжки эта рассада осторожно пересаживается в очерк, рассказ, на широкие клумбы повести, романа,

От обилия цветов и зелени устают глаза. Мы выходим из цехов и направляемся на участки открытого грунта. Они расположены на том самом острове, где происходили маневры и примерные баталии петровских потешных полков. Сейчас на валу растет сирень, а на многочисленных грядках снова начинается цветочная статистика: в открытом грунте выращиваются двести тысяч штук рассады анютиных глазок, они зацветут в мае; тринадцать тысяч кустов пеонов; шестьдесят тысяч флоксов; целая плантация тюльпанов.

Мы покидаем эту фабрику красоты и радости и мчимся назад в Москву, обгоняя по дороге грузовики с розами, цинерариями, гортензиями.

Денек окончательно разгулялся. Ярко светит солнце. До праздника остается еще несколько дней, но уже во всем чувствуется какое-то волнующее нарастание праздничного ритма. Наиболее хозяйственные москвичи уже начинают делать закупки. Магазины полны.

Москва чистится, наряжается.

Маляры красят заборы, садовые скамейки. Мощная водяная струя гидромонитора, установленного на катере, бьет в гранитную набережную Москвы-реки, смывая с нее зимнюю грязь. Солнце блестит радугой в облаке водяной пыли. Пескоструйные аппараты со свистом чистят каменные парапеты мостов. На площадях тяжелые катки раскатывают асфальт на тех местах, где в дни праздника будут танцевать.

Кустарники на бульварах уже обрызганы первой прозрачной зеленью.

У Центрального телеграфа оживленнее, чем всегда. Тысячами отправляются поздравительные телеграммы, которые будут доставлены адресатам утром Первого мая. Пожилые люди заполняют бланки быстро и уверенно: «Шлем первомайский привет дорогим друзьям в Киев. Семья Синанниовых», «Подымаем бокалы Сидоровы», «Желаем здоровья счастья творческих успехов Изюмченко». Это просто.

Но как трудно молодому москвичу передать свои первомайские чувства любимой девушке. «По примеру прошлого Первомая шлю привет и тоже...» Нет, не годится, слишком официально! «Верочка, счастье мое, люблю вас в день Первого мая». Не годится,—почему только в день Первого мая? Надо не так. «Люблю всегда, а особенно сегодня». Нет,— совестно перед телеграфисткой, как-то неловко. Лучше так: «По традиции ровно восемь вечера Первого мая Центрального телеграфа оттуда парк Сокольники танцевать до упаду».

Мы на пороге Первого мая.

Москвичи могут веселиться с чистым сердцем. Они, как и все советские люди, хорошо поработали.

Валентин КАТАЕВ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОТКРЫТИЯ

Сейчас, когда Василий Колесов стал известным в нашей стране, когда слова «работать по-колесовски» и «силовик» вошли в обиход, когда нет нужды доказывать, что большие подачи, на которых начал работать этот токарь, намного двинут наше производство вперед,— сейчас уместно поговорить о тех замечательных чертах новатора, которые так отчетливо видны в облике Колесова, поговорить о том, как много — иногда гораздо больше, чем он сам думает! — может сделать советский человек. Кстати, этот разговор нужен и самому Колесову — ему еще многое предстоит сделать.

Несмотря на кажущуюся цеховую, профессиональную ограниченность его дела, хочется рассказать о жизни Колесова, о нем, как о человеке, не ограниченном рамками этого дела, рассказать, как о типичном нашем современнике, умеющем мыслить широко, смело, государственно, мыслить по-научному, выполняя ту, казалось бы, несложную работу, которая ему поручена.

И ничего удивительного нет, когда приходится слышать о Колесове такие, к примеру, слова: «Вот уж поистине двигает он дело на большой подаче!». А то и еще более лестные отзывы: «Ну и круто же поворачивает этот токарь на новые пути и теорию и практику своего дела. Задал же он задачу и науке и технике!».

И это правда. Так оно и есть.

1. Начнем знакомство с Василием Колесовым с того дня, который во многом определил его судьбу и судьбу его дела. Обстановка для него была необычная, а момент — решающий. И это тем удачнее для первого знакомства. Человека лучше видно в такие минуты.

В конференц-зале Института машиноведения Академии наук СССР заседал Ученый совет. Слушали доклад профессора Г. Шаумяна «Научное обобщение опыта новаторов и пути развития советской науки о машинах». Докладчик говорил и о том, как важно участие ученых в борьбе за высокие скорости во всех областях техники — в резании металла, в бурении нефтяных скважин, в прядении нитей, в вождении локомотивов и самолетов... Как много там неожиданно нового находят практики и как много общего могут найти ученые в этих новых технических явлениях, которые ничего общего, на первый взгляд, между собой и не имеют, кроме термина — «скоростной метод». И даже в какой-либо одной области борьба за темпы, за скоростное продвижение вперед идет разными путями, а присмотришься внимательно, сопоставишь — и найдешь общую, объединяющую их закономерность.

В конференц-зале сидел и внимательно слушал докладчика, а потом и других ученых, сухощавый, небольшого роста, немолодой уже человек, с маленьким, видавшим виды чемоданчиком на коленях. Его никто здесь не знал, да и он здесь не знал никого. Это был Василий Колесов. Он только что прилетел из Куйбышева и чувствовал себя несколько утомленным быстрой сменой впечатлений: утром — в цехе, днем — в самолете, вечером — на Ученом совете. Но странно, — он даже улыбнулся, подумав об этом, — здесь он чувствовал себя запросто, почти так же—почти, конечно! — как на производственном совещании на заводе.

Ему было не только понятно и близко то, о чем говорили ученые, но он уже с нетерпением ждал момента, когда и ему дадут высказаться. Он понимал, что ему есть что сказать и что его выслушают не из вежливости, а с настоящим интересом,— он ведь скажет то, что ни разу никем не было сказано. Это не была самоуверенность ограниченного человека, твердо усвоившего несколько простых и несложных истин, которые он высказывает всегда и всюду, а это была уверенность знающего, много думающего человека. Заметим, кстати, что он прочитал чуть ли не всю изданную у нас литературу по теории резания металла...

И вот Василий Колесов стоит на кафедре, раскладывает перед собой листки исписанной бумаги и раскрывает чемоданчик, в котором лежат резцы, спирали стружек, синеватые после высокого накала, и поблескивающие обработанные им детали.

— Чтобы ускорить дело, — говорит он,— я передам в зал свои резцы, стружки и детали. Вот, пожалуйста. Пока я буду говорить, прошу ознакомиться...

Еще резец? Любопытно. Сколько появилось уже этих новых резцов, имеющих те или иные преимущества перед другими? И каждый из них поднимает технику резания металла еще на ступеньку — то бо́льшую, то меньшую — и, дополняя один другого, прокладывает новые, советские пути технического прогресса. А еще более замечательны творцы этих новшеств. Сколько появилось их, токарей нового склада, у которых всегда в кармане пара резцов собственной конструкции — завершенных и незавершенных, и с какой горячностью, убежденностью вступают они в споры со своими оппонентами, доказывая преимущества той или иной фаски или кромки, поднося резец к самому носу скептика. Итак, на кафедре стоит еще один рационализатор? Новая геометрия проходного резца для работы на больших подачах при одновременной черновой и чистовой обработке деталей? Любопытно. Ну-ка, чем еще порадует рабочая смекалка?

Но среди ученых, приготовившихся быть доброжелательными и строгими консультантами, заметно некоторое замешательство. В роли консультанта, такого же доброжелательного и строгого, оказывается сам токарь. К резцу, переходящему от кресла к креслу, нетерпеливо протягиваются руки, над ним склоняются двое-трое, одни пожимают плечами, другие удивленно посматривают на токаря и прислушиваются к тому, что он скажет. А он уже не читает по бумажке, а говорит. Хорошо владеет речью, легко оперирует техническими терминами, формулами, глубоко разбирается в издавна сложившихся в науке представлениях о технике резания металла. И не только разбирается. Он вскрывает ошибочность некоторых устоявшихся представлений, уверенно разбивает их и создает новые, неожиданные, необычные.

—Азбучная истина,—говорит Колесов.— Производительность каждого станка определяется числом оборотов деталей в минуту и величиной подачи резца за один оборот. Этому учили меня двадцать лет назад, когда я готовился стать токарем, этому учат и сейчас. И одновременно преподается другая «азбучная истина»: увеличение подачи ведет к ухудшению качества обрабатываемой поверхности, которая, как говорят у нас, становится «морской» — вся покрыта гребнями волн. И для того, чтобы их убрать, приходится затрачивать много усилий при дополнительной, получистовой и чистовой обработке. Так вот, эта вторая «азбучная истина» больше не существует.

Он поднимает ослепительно сверкающую при свете лампы деталь:

— Вот посмотрите, пожалуйста: она вышла из-под нашего нового резца без дополнительной обработки. Она уже не нуждается в чистовой обработке, хотя работал я на подачах в десять-двенадцать раз больше, чем это обычно делают. Все дело в новой геометрии резца. Что это дает нам? Теперь любой токарь, работая на любом тихоходном станке, может обрабатывать деталь с такой же быстротой, как скоростники, работающие на уникальных станках. Весь токарный парк, даже в маленькой ремонтной мастерской, может работать во много раз производительнее.

И улыбаясь, он заключил:

— А теперь у меня вопрос к ученым. Известно ли вам, что все токари Средневолжского станкозавода давно работают резцом, который создан уже пять лет назад? Видимо, неизвестно. И это жаль. В министерстве, я знаю, это известно, но почему-то там молчат. Но об этом будет особый разговор. А теперь еще один вопрос к ученым. Помогут ли нам люди науки совместить широко известные методы скоростного резания с этим новым, силовым методом, как мы его назвали? Задача эта — государственная.

Надо прямо сказать, что выступление Колесова для Ученого совета было неожиданным. Но, к чести ученых, они быстро откликнулись на него. Утром следующего дня Василий Колесов стоял в кругу профессоров и студентов за токарным станком в лаборатории станков и автоматов Московского высшего технического училища и демонстрировал свой метод работы. В тот же день ознакомились с его методом и в Московском технологическом институте легкой промышленности.

Одновременно он получил приглашения и от других институтов. А вечером в редакции газеты он готовил статью «Академия и цех» — статью, на которую получил затем сотни откликов и запросов токарей, инженеров и ученых. Вскоре в печати, по радио, в лабораториях ученых и в цехах горячо заговорили о нем, и метод его получил всеобщее признание. Забегая немного вперед, оговоримся, что признания своих руководителей — работников бывшего Министерства станкостроения—он добился несколько позже, а поддержки добивается и поныне. Но об этом после.

2. Итак, мы познакомились с Колесовым в дни его успеха. Что запомнилось из этой первой встречи? Запомнились те черты, которые характеризуют передового советского рабочего пятой пятилетки. Высокий культурный уровень, знание не только техники, но и научных основ своего дела, смелость мысли, широта кругозора и ясность цели. Еще что? Чувство хозяина, человека, который везде в нашей стране, как дома. И в цехе, и в Академии наук он говорит спокойно, с достоинством, уверенно, зная, что к его голосу прислушаются. Но только ли эти черты определяют его облик?

Нет, эта первая встреча не дает еще полного представления о нем. Василия Колесова, как и любого нашего новатора, надо видеть в процессе труда и борьбы, в дни поиска и становления нового, в дни не только успехов, но и неудач. Вот тогда можно разглядеть в нем и другие замечательные качества советского человека: неутомимость, силу и бодрость духа, самоотверженное и неуклонное стремление к цели.

Надо ли для этого оглянуться назад и посмотреть на Колесова в те дни, когда еще не пришли к нему успех и слава? Надо. Но те же качества можно увидеть в нем и сейчас. Ведь наивно было бы думать, что теперь, когда его дело получило всеобщее признание, кончились неудачи, кончилась борьба с тем, что мешает становлению нового, кончились поиски и конфликты, все идет так гладко и легко, что многие замечательные волевые качества новатора могут числиться сейчас как бы в отпуску. Конечно, нет! Ибо борьба за новое продолжается непрерывно, ибо, кроме новаторов, есть и консерваторы, которые смотрят на это живое дело замораживающим, ледяным взглядом. Нет, не может быть и не будет у нас в борьбе за новое передышки, застоя, паузы.

Не будем восстанавливать в памяти историю напряженных технических поисков Колесова, а представим себе его в те дни (конец 1948 года), когда резец новой геометрии уже готов и токарь обрабатывает деталь в двенадцать раз быстрее, чем прежде. По производительности труда он уже на своем стареньком тихоходном станке догнал скоростников, работающих на новых, быстроходных, мощных, уникальных станках. Но проходят месяцы, а о Колесове ничего не слышно. В цехах, где уникальные станки все ускоряют число оборотов и из-под резцов сбегает уже не стружка, а голубая лента стали,— в этих цехах токарей не забывают, к ним идут корреспонденты, фоторепортеры, кинооператоры, художники, ученые, поэты... А у колесовского станка тихо, безлюдно, хотя старик «ДИП» сам на себя стал непохож, такую набрал он богатырскую силу.

Правда, руководители завода распространяют почин Колесова в своих цехах и среди заводских токарей. Уже много у него друзей — рабочих и инженеров, но дальше завода дело не идет. Правда, приходил к нему местный куйбышевский ученый, специалист по резанию металла, но, увидев, что Колесов набирает темпы за счет увеличения подачи, даже рассердился на него — так нельзя, он идет по неправильному пути, вопреки науке. Правда, заходил к нему один столичный корреспондент, но, узнав, что максимальная скорость резания у него 500—600 метров в минуту, смутился и ничего о нем не написал — у других-то ведь уже перевалило за 2.000!

Так шли месяцы, но Колесов не унывал. В апреле 1950 года ему пришлось побывать на совещании скоростников в бывшем Министерстве станкостроения, и в присутствии членов коллегии он рассказал о своем опыте. Но, увы, на членов коллегии это не произвело никакого впечатления (ему выдали впоследствии премию в 400 рублей, и этим ограничились).

Слабый человек упал бы духом в этих условиях. Не так ли? Но Колесов — настойчивый и целеустремленный человек, и он упрямо продолжал начатое дело. С разрешения дирекции и местных куйбышевских организаций он разъезжал по заводам области и передавал свой опыт. Брал чемоданчик — тот самый, видавший виды чемоданчик, с которым он явился на Ученый совет,—приезжал в цехи, доставал резцы, показывал, как надо ими работать и как их затачивать. Научив людей, уезжал.

И вот, наконец, его признали. Но и на этом не заканчивается его упорная борьба за внедрение нового. Нет, она продолжается. Мало же ему, передовому советскому человеку Василию Александровичу Колесову, почтительного признания его нового дела, ему нужно повсеместное внедрение этого нового. И за то, чтобы это было так, ему придется еще немало повоевать.

3. А теперь поговорим о самом главном, о том, почему долгое время никто не знал о Колесове, хотя, казалось бы, и нельзя было о нем не знать. Почему так получилось? Все дело в том, что в бывшем Министерстве станкостроения слишком некритически усвоили «азбучную истину», что большие подачи ухудшают качество обработки, и не пытались преодолеть установившиеся взгляды. Всю техническую политику в области резания металла там построили в расчете на скоростников и на новые быстроходные станки. И Колесов в этих условиях пришелся не ко двору. Он шел своими путями, теми, которые были преданы забвению министерством. Так техническая политика министерства в этой области приняла неправильный характер, а развитие техники резания металла из-за этого сдерживалось, тормозилось. А ведь не только Колесов шел своим путем, пытались это делать и другие, но все их поиски оставались незамеченными. Даже тогда, когда Колесов приехал в Москву и сделал доклад в Академии наук, работники Министерства станкостроения с трудом и неохотно поворачивались к нему лицом. Напомним, что бывший директор Средневолжского станкозавода тов. Николаев выслушал весьма суровое замечание от начальника главка тов. Карпова по поводу посылки Колесова в Москву для доклада на Ученом совете: «Лучше бы он план выполнял — у вас с планом плохо, а не читал бы какие-то лекции ученым!».

В своем ответе на статью «Академия и цех» бывший заместитель министра станкостроения тов. Рыжков подчеркивал, что не стоит вводить новый термин «силовое резание металла», так как этот метод якобы является лишь «развитием метода скоростного резания». В этом ответе заметно было желание приуменьшить значение этого принципиально нового метода. Начальник технического управления бывшего Министерства станкостроения тов. Рыбкин в своей статье о скоростниках станкостроения, опубликованной в «Московском комсомольце» через месяц после выступления В. Колесова в Институте машиноведения Академии наук и после напечатания его статьи, умудрился ни словом не упомянуть о нем. Кстати сказать, с тов. Рыбкиным мы беседовали о методе В. Колесова еще до выступления токаря-новатора в печати, но «ничего нового» в этом деле начальник технического управления не узрел. Недавнее выступление «Правды» о невнимании Главстанкопрома к распространению метода Колесова показывает, что позиция главка не изменилась и поныне.

Памятный эпизод произошел на заседании Технического совета бывшего Министерства станкостроения, когда обсуждались методы работы Колесова. Разговор на совете шел больше вокруг значения «кромок» и «фасок», будто это — рядовое рационализаторское предложение, а не принципиально новое событие в технике, о котором надо говорить всесторонне и по-научному. Тогда выступавший в прениях профессор Г. Шаумян обосновал принципиально новую сущность метода силового резания и обратился к совету с вопросом:

— Открытие это или не открытие?

Технический совет смущенно промолчал. Не дождавшись ответа, профессор сам ответил на свой вопрос:

— Открытие! Большое научное открытие наших дней.

Почему же Технический совет не сказал этого слова? Да потому, что признание открытия Колесова было бы одновременно признанием косности некоторых руководящих работников министерства. Однако жизнь сама дала ответ на вопрос ученого. И теперь это открытие, конечно, не может быть «закрыто».

...Рассказ о Колесове закончим его же словами о себе.

Первое время, когда печать и радио громко говорили о нем, Колесов был несколько смущен: «Не слишком ли, однако, много обо мне говорят?». Потом появилось у него странное самочувствие, будто говорят не о нем, а о каком-то другом человеке. Он смотрел на себя уже как бы со стороны — уже не его это дело, а общее. А в последнее время, когда ему приходится слышать призывы «работать по-колесовски», он опять думает о себе, но уже иначе, чем прежде: «А так ли я работаю, как этого требуют? Что еще нужно сделать для того, чтобы оправдать тот большой разговор обо мне, который идет повсюду? Раз по-колесовски — так по-колесовски, надо двигать дело вперед и вперед!».

Что ж, в добрый путь, в дальнюю и славную дорогу, Василий Александрович!

А. ВЕЛИЧКО

Звездочка над станком

Огромный массив между набережной Невы и Кондратьевским проспектом занимает завод, слава о котором идет далеко за пределы города. Турбины с маркой «ЛМЗ имени Сталина» установлены на многочисленных электростанциях под Москвой и во Владивостоке, в Архангельске и в Грузии, в странах народной демократии и в новом, свободном Китае.

В дни предмайского соревнования на металлическом заводе завершается работа по производству гидравлической турбины для одной из новостроек. На пять дней раньше срока собран под испытание второй крекинговый насос, досрочно изготовлена паровая турбина мощностью в 100 тысяч киловатт.

Хорошо работает в предпраздничные дни коммунист Василий Базанов, знатный фрезеровщик города, инициатор соревнования за комплексную стахановскую экономию.

В дни предпраздничного соревнования он выполняет по три задания. Им разработаны два рационализаторских предложения, сокращающие общий цикл производства и повышающие качество продукции.

На заводе сейчас более тысячи стахановцев. Они борются за комплексную экономию по методу Базанова. В прошлом году сэкономлено почти два миллиона рублей. Но не только за стахановский труд и неутомимые поиски нового уважают на заводе коммуниста-фрезеровщика.

Сегодня к Базанову во время работы подошел инженер Андреев:

— Василий Васильевич, выручи. Художник заболел, некому написать плакат.

— Ладно,— ответил Базанов, устанавливая фрезу,— освобожусь — напишу.

В часы досуга Базанов нередко берет в руки палитру с красками. Дома у него можно видеть пейзажи, зарисовки с натуры, копии с картин. «Когда-то сильно увлекался»,— говорит он. В цехе, однако, знают, что рисовать с натуры, писать красками Базанов продолжает и сейчас.

Я рассказал только об одном из участников предмайского соревнования. Не меньше можно было бы сказать и о рационализаторе, лауреате Сталинской премии, газосварщике А. Мошкове, о разметчике А. Дмитриеве, читающем лекции в одном из технических вузов, о слесаре-сборщике В. Лемисове, награжденном за свой труд орденом Ленина, и о многих других. Они идут в авангарде. Их много.

...В цехе, где работает В. Базанов, все раньше и раньше загораются над станками красные звездочки. Две недели назад они загорались на всех станках только к концу смены. Теперь они вспыхивают уже в середине рабочего дня.

Н. ВОРОБЬЕВ,
редактор газеты «Сталинец»

ЛЕНИНГРАД

ДОПИСАЛИ ЗА АВТОРА...

О неправильной практике работы с молодыми писателями

Среди молодых литераторов Ставрополья следует отметить прежде всего Валентину Туренскую. Она опубликовала роман «Зрелость», посвященный жизни сельских учителей. Роман получил положительную оценку критики. Сейчас В. Туренская работает над продолжением этой книги. Интересно рассказывает о жизни людей Ставрополья книга Ильи Чумака «Марьины колодцы». Сейчас Илья Чумак работает над новой повестью «Трое за Манычем». В эти дни в Московском театре драмы и комедии идет пьеса ставропольского драматурга Сергея Царского «Дорогой подарок», а в одном из ленинградских театров принята к постановке пьеса Петра Мелибеева «День добрый», посвященная дружбе народов. В вышедшем недавно сборнике «Простые люди» обращают на себя внимание рассказы И. Кувшинова «Хозяйка бригады» и С. Шаова «Мужество». Все более популярным становится творчество черкесского поэта Хусина Гашокова. Его книга стихов «Свет в горах» недавно вышла на русском языке. Лучшие стихи книги воспевают дружбу русского и черкесского народов.

Можно назвать еще несколько имен молодых писателей, но речь пойдет уже не о готовых книгах, а о рукописях, и тут яснее всего обнаружится принципиально неверная постановка работы с литературной молодежью в Ставрополе.

Нельзя сказать, что в Ставропольском краевом отделении Союза советских писателей не интересуются работой молодых. В течение последнего года были обсуждены произведения двадцати писателей. Старшие товарищи принимают активное участие в обсуждениях, подробно анализируют рукописи, дают советы. И даже больше того. К некоторым произведениям возвращаются во второй и в третий раз. Так было, например, с рукописью тов. Добринской. Ее роман обсуждался трижды. Однако до сих пор книга не завершена. Автор продолжает свою работу, но некоторые писатели советуют тов. Добринской взять соавтора.

Под соавтором здесь подразумевается человек, который обязан из сырого материала сделать художественное произведение. Автор, представивший такой материал, уже больше к нему не прикасается, считает свой вклад завершенным.

В течение последнего года в краевое отделение Союза писателей поступило около двадцати заявок на соавтора.

Еще более популярной фигурой в среде ставропольских начинающих писателей является литературный правщик. Обсудив явно слабую по своим художественным достоинствам, но интересную по материалу рукопись, члены бюро выносят постановление прикрепить к молодому автору литературного правщика. Иногда это писатель, иногда редактор издательства, иногда и некто «нанимаемый со стороны». Издательство заключает договор с таким внештатным работником и ставит перед ним одно условие: «довести рукопись до кондиции». Так было с рукописью тов. Гавриленко «Любовь и дружба», с рукописями тт. Борисова и Кожевникова. Неудивительно, что их произведения до сих пор не увидели света.

Любопытный случай произошел в Ставрополе с начинающим автором тов. Данковым, написавшим повесть «Морская дружба». После нескольких консультаций в отделении Союза писателей состоялось обсуждение повести. Проработав над рукописью еще некоторое время, тов. Данков представил ее в издательство. Редакционный совет признал, что рукопись далеко не совершенна. Но вместо того, чтобы вернуть ее автору на доработку, товарищи решили «довести» рукопись общими усилиями. А чтобы не загружать кого-либо одного, писатели согласились поделить между собой рукопись и «отредактировать» ее по частям. Все это делается из бескорыстного желания помочь хорошему человеку, но беда в том, что такая «помощь» вредит делу воспитания молодых литераторов.

Рассказывая об этом случае на состоявшейся недавно краевой конференции писателей, И. Егоров заявил:

— Мы не порываем с авторами, которые не дотянули, имея дельный материал. В отдельных случаях мы идем на крутую правку, доделывание, дописывание. И поступая так, мы не без тревоги раздумываем: а не вырастим ли мы автора-захребетника?

Эта вполне обоснованная тревога должна бы вызвать у руководства Ставропольским отделением ССП не только раздумье, но и более решительное осуждение. В результате такой помощи у начинающего автора, как признал И. Егоров, постепенно вырабатывается иждивенческое настроение — редактор, мол, обязан из плохой рукописи сделать хорошую книгу.

Недавно в ставропольском издательстве вышла повесть Б. Пузанова «Мечта». Из небольшого предисловия к книге читатель узнает, что автор повести — паровозный машинист, что это его первый литературный опыт. Издательство как бы заранее просит извинения за явные несовершенства книги. В кругу литераторов знают, как много труда приложил редактор книги В. Мартынов, редактор-«доводчик». И все же перед читателем не полноценное художественное произведение, а сухая схема, в которой все правильно, но нет жизни. И несмотря на это, в областной газете появляется хвалебная рецензия, в ней почти не говорится о недостатках произведения. Такая оценка в печати книги молодого автора тоже ничего общего не имеет с действительной помощью начинающим литераторам.

Несомненно, всякий автор нуждается в ободрении, но еще более нуждается он в строгой, беспристрастной критике, в повседневной учебе. А между тем сами начинающие не всегда понимают это. Тот же Б. Пузанов в беседе с работниками издательства признался, что никакой литературной учебой он не занимается.

Большую долю вины за плохую работу с молодыми должно взять на себя и краевое издательство. Оно иногда поощряет автора преждевременными договорами и авансами, не проявляя никакой заинтересованности в судьбе рукописи. Учительница А. Беляева написала повесть «Яблоневый цвет» из жизни колхозников-садоводов и после обсуждения в отделении Союза советских писателей предложила ее издательству. Получив первую рецензию, она доработала рукопись и снова отправила в издательство. Вторая рецензия, которую получила А. Беляева, в своей основе противоречила первой. Но, ничего не поделаешь, пришлось руководствоваться этой рецензией—она ведь последняя! Автор стремится завершить работу над книгой, но резко противоположные суждения ставят его в затруднительное положение.

Кто же из его рецензентов прав: тов. Хохлова или тов. Гирько? Этого не могут решить и сами издатели. Что будет дальше, пока неизвестно. А ведь еще в 1951 году в статье «Как создается первая книга», опубликованной в «Литературной газете», И. Егоров упомянул о повести «Яблоневый цвет», как о недавно законченном интересном произведении. Да, поистине долго и трудно создается первая книга!

При заключении договоров с авторами издательство не придерживается определенной системы. Нередко это делается не в результате коллегиальной оценки рукописи и решения редакционного совета, а по желанию директора издательства тов. Страхова. Так, например, договор на роман тов. Хохлова «Секретарь райкома» был заключен, когда в рукописи имелось всего лишь 42 страницы. Кстати сказать, автор на этом и остановился. Как видим, такая «забота» об авторе ни в коей мере не способствовала его творческому росту.

Не так уж много содействует росту литературной молодежи и «Ставропольский альманах». Редколлегия все более снижает требовательность к авторам, публикуя слабые, недоработанные произведения, что в конце концов отрицательно сказывается на молодых литераторах.

Есть в Ставрополе и удачные примеры работы с молодыми. Внимательно и строго подошли и в отделении Союза писателей, и в краевом издательстве к роману К. Пронской «Вера Лебедева». Никто не стал писать за автора, от него потребовали напряжения всех творческих сил, рукопись не один раз возвращали на доработку. Книга близка к завершению и обещает быть интересной. Но таких примеров мало. Старшие товарищи, вместо того чтобы помогать молодым взыскательной критикой и передачей мастерства, идут по линии наименьшего сопротивления — пишут за них. Наиболее опытный писатель Ставрополья Семен Бабаевский почти не принимает участия в работе отделения. А жаль! Он мог бы помочь молодым, как совсем недавно писатели старшего поколения помогали ему самому.

Бюро Ставропольского отделения Союза писателей должно понять, какой ущерб литературе приносит дописывание произведений за автора, и решительно покончить с подобной практикой «помощи» молодым литераторам. Заботливое воспитание молодых литераторов, их идейный рост и неустанное повышение литературного мастерства — вот одна из основных задач писательской организации.

К. МУРЗИДИ

Обсуждение новых пьес

Комиссия по драматургии, бюро секции московских драматургов, комиссия по теории литературы и критике Союза советских писателей и редколлегия журнала «Театр» провели в Центральном доме литераторов творческое совещание драматургов и критиков. На совещании, которое продолжалось два дня, со вступительным словом выступил А. Суров. Доклад «Проблема типического в советской драматургии» сделал Н. Громов. Затем собравшиеся заслушали доклады о новых пьесах: Б. Ромашова — о пьесе А. Салынского «Опасный спутник», К. Симонова — о пьесе А. Кожемякина «Беспокойная должность», И. Штока — о пьесе В. Розова «Страницы жизни», Вл. Соловьева — о пьесе А. Арбузова «Европейская хроника» и А. Сурова — о пьесе Ю. Чепурина «Вешние воды».

К сожалению, выступления Вл. Соловьева и И. Штока, подготовленные поспешно из-за болезни ранее предполагаемых докладчиков, по сути дела, нельзя назвать докладами; это были короткие сообщения.

В обсуждении приняли участие А. Караганов, Р. Хигерович, Ю. Борев, М. Гус, В. Ермилов.

Инициативу организаторов творческого совещания нужно всячески приветствовать. Однако следует отметить, что большинство присутствующих не было знакомо с обсуждаемыми пьесами. Поэтому разговор не получился достаточно плодотворным и широким. Пассивно отнеслись к совещанию и многие драматурги, не принявшие участия в работе собрания.

РЕАЛИЗМ АЙНИ

Ан. ТАРАСЕНКОВ

Старейший писатель Советского Таджикистана Садреддин Айни, чье семидесятипятилетие мы отмечаем в эти дни, еще застал то время, когда среди бухарского мусульманского духовенства шел спор о том, можно ли населению пользоваться русской керосиновой лампой и учиться русской грамоте — ведь через русскую речь в среду таджиков могли проникнуть новые передовые идеи. И поработители таджикского народа были правы: именно оттуда, с русского Запада, проникли в сознание Садреддина Айни новые представления о жизни общества, а вслед затем и о литературе, о ее задачах и возможностях.

Уже будучи зрелым, сложившимся человеком, большим знатоком древней культуры своего народа, встретил Садреддин Айни революцию. Поэт принадлежал к так называемому второму поколению просветителей таджикского народа, был ученым, историком и филологом. В свое время, не разобравшись в политической обстановке, он примкнул к движению джадидизма. Джадидизм был идеологией буржуазных националистов, замешенной на гнилых дрожжах панисламизма и пантюркизма. Айни сам говорил позднее, что в период, когда он примыкал к джадидизму, он, как писатель, не мог создать ничего сколько-либо значительного. Но поняв суть этого реакционного движения, писатель порвал с джадидизмом. В последующие годы он отдал все свои силы строительству новой культуры. И здесь на помощь Айни пришел великий Горький. Именно его художественный опыт лег в основу самобытного развития Айни, как первого прозаика-реалиста новой таджикской литературы. У великого классика русской и советской литературы Айни учился реализму.

Айни вырос в феодальной деревне, воспитывался в религиозных мусульманских училищах, испытал на себе весь ужас эксплуататорского гнета и произвола. В творчестве писателя отразился и вековечный быт таджикской деревни и города, в неприкосновенности сохранившийся до конца XIX — начала XX века, и факты живой современности.

Рассматривая творчество Айни, надо помнить, что до него таджикская литература не знала подлинно реалистической повествовательной прозы. Айни сыграл роль новатора, прокладателя путей, основоположника нового направления.

С удивительным национальным своеобразием, во всем богатстве подробного реалистического рисунка со страниц романов, повестей и мемуаров Айни встает жизнь простых трудовых людей дореволюционного Таджикистана. Вот одна из начальных сцен романа «Рабы». Подробно описываются работы дехкан в плодовом саду, за которым начинается песчаная пустыня. Люди неспокойны. Они боятся хищнического набега на их мирный труд со стороны кочевых разбойничьих племен. «Тянулись песчаные холмы, подернутые неподвижной, застывшей рябью, изредка прошмыгивала ящерица или кое-где на склоне холма вставали столбиками дозорные суслики. Нигде не поднималась пыль».

Писатель рисует страшную картину: разбойничья шайка врывается в мирный аул; пришельцы заставляют таджиков вязать друг друга, а затем увозят их в рабство, на невольничий рынок. Работорговля XIX века, ужас бесчеловечной эксплуатации, клеймение рабов раскаленным железом, бесправный изнуряющий труд — так одна за другой развертываются в романе мрачные сцены жизни народа.

Читая роман «Рабы», понимаешь, как трагически складывалась судьба одной из древнейших наций Востока — таджиков,— народа с древней большой культурой. Угнетаемые собственными баями и слугами эмира, живя на территории колониальной окраины, они то и дело подпадали под различные формы национального и социального гнета.

Несравненны по своей суровой исторической правде сцены, нарисованные Айни в романе «Рабы». Но не менее горестны и многие страницы автобиографических воспоминаний писателя. То это деревня, которую за короткий срок заносят пески пустыни, то это страшная эпидемия черной оспы, от которой вымирают целые семьи и роды. Человек был бессилен перед грозными стихиями природы, человек — подневольный и жалкий труженик, ибо баи и чиновники, муллы и ростовщики держали народ в такой кабале и унижении, что его внутренние силы оставались втуне.

Но одновременно с трагизмом народных судеб Айни показывает и внутреннюю красоту, духовную стойкость людей из народа, хранящих, как негасимое пламя, свою древнюю культуру. Люди труда, изображаемые Айни, то полны живого лукавства и глубокого народного юмора, как, например, отец мальчика из повести «Школа» или дядя Усто-ходжа из «Воспоминаний», то они предстают в образах наивных и обаятельных богатырей, как толстяк Лютфулла из тех же «Воспоминаний», за лепешку и фунт халвы запрудивший бурный ручей собственным телом. Замечателен по своей внутренней силе образ Одина — бедняка из повести под тем же названием, ограбленного догола чиновниками эмира и ставшего чернорабочим на хлопкоочистительном заводе. Одина еще молод, но он видел много зла, горя, он потерял своих родных. И тем не менее до конца дней своих этот человек из народа сохранил незапятнанной чистую, благородную душу.

Айни весь искрится задором, когда описывает народные гулянья в Файзабаде, когда рисует голодный быт весельчаков-студентов в Бухаре, их насмешки над учеными муллами, когда он передает сказки «Царевны Тута» — бедной восьмидесятилетней деревенской старухи, когда он изображает школьников, состязающихся в перепелиных боях и стрельбе соломенными стрелами из соломенных луков. Реализм Айни подлинно народен и подлинно национален. Глубокое своеобразие замечательного мастера таджикской прозы свидетельствует о том, что влияние старшего русского собрата и учителя — Горького — преломилось в его творчестве глубоко индивидуально.

Но если так оптимистичны образы людей из народа, так солнечны картины народной жизни, нарисованные Айни, то рядом с ними, по закону глубочайшего социального и художественного контраста, совсем иными красками изображены представители эксплуататорского меньшинства. Страшны своей античеловечностью, своей безмерной жестокостью люди, в чьих руках находится власть над тружениками, в поте лица добывающими хлеб насущный. Хитрые и жадные баи, рабовладельцы и работорговцы, завистливые муллы, трусливые и злые чиновники эмира — палачи всего живого, эти образы, столь обильные в книгах Айни, так же как и его положительные герои из народа, выписаны с большой реалистической силой.

Целиком оставаясь на почве реальной действительности, Айни рисует феодальных хищников и эксплуататоров с непримиримой ненавистью человека, лично испытавшего всю «прелести» жизни под кнутом деспотического сатрапа.

Одна из наиболее сильных отрицательных фигур в творчестве Айни — Кори-Ишкамба из повести «Смерть ростовщика». Хитрый и изворотливый, жадный до мнительности, готовый ради денег на любой обман, наглый, назойливый, Кори-Ишкамба представляет собой глубоко типическое явление старой феодальной Бухары. Этот бухарский Плюшкин экономит на всем — на углях для домашнего сандала, на капле керосина, которая может выгореть за несколько минут его отлучки из дому; он готов нарушить любые национальные обычаи, любые религиозные обряды и верования, лишь бы прибавить к своим богатствам лишнюю «теньгу».

При обрисовке образа Кори-Ишкамбы Айни применил метод сатирического заострения, гиперболизации. Замечательно дано у Айни описание ростовщической лексики этого паразита. «Проценты на деньги, которые он дает в долг, он называет детьми этих денег; проценты на проценты зовет внуками, а проценты на проценты с процентов — правнуками».

Типизируя образы, выхваченные из самого потока жизни, Айни изображает жестоких владык феодального Востока — работорговца Карим-бая (роман «Рабы»), эмира бухарского («Бухарские палачи»), бессовестного эксплуататора Чушку («Воспоминания», часть 2) и многих других. Описание беспощадной эксплуатации, зверские казни, террор феодального деспота, осуществляемый чиновниками эмира,—все это нарисовано Айни беспощадно точно, во всем сказывается его глубокое и верное понимание экономических и политических законов, по которым жило старое общество. Это понимание образно, конкретно и в то же время научно, точно.

Если предметом большинства прозаических произведений Айни являлась жизнь таджикского народа в эпоху феодализма, то в ряде стихов Айни вдохновенно приветствовал события революции, принесшей таджикскому народу освобождение как от местных угнетателей, так и от господства русского империализма.

В стихотворении «Во славу Октября» (1918) Айни писал:

Мир старый, тот, что создан был веками,
Разрушен нами —
И новый мир, как бы чудесным даром,
Возник над старым.
Так воцарись же навсегда над нами,
Святое знамя,
Во имя попираемых столь долго
Труда и долга!

(Перевод И. Сельвинского)

К сожалению, Айни не смог с такой же силой, с какой он изобразил старый мир и его гибель, показать мир новых человеческих отношений. Например, картины созидательного труда советских людей, колхозного строительства уступают по своей изобразительной яркости и впечатляемости тем страницам, где автор разоблачает мир феодально-байской эксплуатации (роман «Рабы»).

И, однако, этот недостаток никак не может и не должен толкнуть нас к недооценке значения сделанного Айни. Сила правды, с которой Айни изобразил жизнь прежнего общества, придала его талантливым книгам значение, далеко выходящее за рамки одной лишь таджикской литературы. Творчество Айни приобрело общесоюзное, интернациональное значение.

В предисловии к своей «Повести о детстве» Ф. Гладков рассказывает, как натолкнул его М. Горький на написание этой книги.

«Наш народ прошел через страдания, через муки и неволю, через тьму дикой жизни и деспотизма, через непрерывную борьбу... Все рассказывайте, ничего не утаивая, обо всех мытарствах рассказывайте»,— говорил Горький Гладкову.

Как созвучны слова Горького со всем тем лучшим, что содержат книги Айни!

Большой и сложный путь прошел Айни. Творчество писателя неотделимо от породившего его таджикского народа, внесшего большой и ценный вклад в общую сокровищницу культуры социалистических наций.

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

Земля, нашедшая имя

Владимир БЕЛЯЕВ

Точным и вместе с тем поэтическим описанием пейзажа Карпат начинает М. Тевелев свой многоплановый, интересный роман «Свет ты наш, Верховина...»

«Конечно, каждая птица свое гнездо хвалит, но нигде не увидеть вам таких бескрайних горных лесов, и таких бьющих из земли шипучих буркутов, и той дрожащей в полуденный час дымки, когда горы, и далекие поднебесные полонины, и крохотные полоски пашен, не теряя своих очертаний, кажутся не зелеными, а синими.

Глянешь на наши лесистые Карпаты издали — и почудятся они такими приветливыми, мирными и доступными. Не увидишь ни одной обнаженной скалы, ни одной щебенистой осыпи, будто по чьему-то волшебному слову остановились и застыли, не успев расплескаться, зеленые волны. А углубитесь в них — и охватит вас суровым полумраком ущелий, шумом потоков, и сердце замрет при виде вековых буков и елей, таких огромных, что трудно понять, как держатся они на кручах...»

Таковы Карпаты. Описаны они в романе без ложной экзотики, описаны художником, не только впервые открывшим для себя этот чудесный край, но и горячо полюбившим его.

Но главное в романе — люди, действующие на фоне этого своеобразного пейзажа, люди с интересными, особыми, запоминающимися характерами.

Еще совсем недавно советские читатели очень мало знали об исторических судьбах и быте наших единокровных братьев, живущих за Карпатами, в крае, который захватчики и их наймиты попеременно называли то «Угорской Русью», то «Подкарпатской Русью», то «Карпатской Украиной». Большая познавательная ценность романа «Свет ты наш, Верховина...» заключается в том, что писатель сорвал завесу, за которой сперва Габсбурги, а затем, после распада императорской Австро-Венгрии, вильсоновские наместники скрывали от мирового общественного мнения произвол, творимый в Закарпатье. М. Тевелев обстоятельно и талантливо рассказал нам о тяжелой жизни трудящихся Закарпатья, а главное — об их многолетней борьбе за воссоединение с Украиной и со всей советской Отчизной.

М. Тевелев. «Свет ты наш, Верховина...». Роман. «Знамя», №№ 1, 2, 3. 1953 г.

Автор сумел убедительно показать огромное влияние Октябрьской социалистической революции на рост политического сознания трудящихся Закарпатья. Главный герой книги, от лица которого ведется повествование, Иван Белинец еще в детстве допытывается у матери, что значит впервые услышанное им слово «революция». И вот однажды он видит людей на горной дороге: «Их было много. Они ехали на повозках, шли группами пешком. Австрийцы, русины, венгры, чехи, в зеленоватых шинелях, в мягких каскетках со споротыми кокардами, взамен которых у многих трепыхались алые лоскутки. Это после Брестского мира возвращались в родные края военнопленные». Они несли с собой номера «Правды» с ленинскими декретами о мире и земле, и маленький Иванко читал крестьянам пророческие ленинские слова.

Исторически верно изображены в романе события первых революционных лет, показано их огромное значение для Закарпатья. Любая весточка о русской революции, листовка, номер питерской газеты еще больше разжигали давнюю историческую мечту крестьян о воссоединении с Россией. Это страшило буржуазных правителей, и они старались любыми способами подавить влияние Октября в Закарпатье и на всей территории бывшей Австро-Венгрии.

Разнолики и разнообразны в своей борьбе против растущего революционного движения представители лагеря реакции, изображенные в романе,—кулак и стяжатель Матлах, научившийся в Америке, «как людей вязать», губернатор края Жаткович, член парламента Лещецкий, профессор гимназии Луканич — тонкий, опасный шпион, скрывающийся под личиной доброжелательного либерала. М. Тевелев не боится показывать врагов умными, хитрыми, изворотливыми, избегает плакатности в описании их внешности. Многие из них — на первый взгляд благовоспитанные, добропорядочные, приличные люди. И вовсе не случайно, что Иван Белинец, часто обманываемый напускной благожелательностью буржуазных деятелей и лицемерием буржуазного строя, проходит сложный путь заблуждений, колебаний, крушения иллюзий, прежде чем смело и решительно встать на сторону коммунистов.

С отроческих лет мучает Ивана зрелище безвыходной нужды верховинцев. Он хочет всю свою жизнь посвятить родному народу. Получив ценой огромных усилий своего приемного отца Горули высшее образование, Иван Белинец живет мечтой — превратить нищую и бесплодную Верховину в богатый, цветущий край. Коммунисты Горуля и Куртинец предупреждают Ивана, что добиться осуществления этой мечты можно, только сломив власть эксплуататоров. Но Иван еще думает, что наука стоит вне политики. Со своими проектами перевода земледелия на Верховине на научную основу он обращается то к губернатору, то в «земледельческую комору» к депутату Лещецкому, то к издателю «независимой» газеты Казарику, но везде встречает отказ, сопротивление, преследование, вражду...

М. Тевелев проводит своего героя сквозь многие испытания и в столкновениях его с действительностью раскрывает отвратительную изнанку той хваленой «демократии», которую создавали в Европе Масарик и Бенеш и им подобные. Развенчивая миф о «сверхдемократическом» характере чешской буржуазной республики, автор очень ненавязчиво, но остро показывает, что за этой «демократией» кроется утонченная система эксплуатации трудящихся.

М. Тевелев разоблачил двуличную, лисью тактику тогдашнего президента буржуазной Чехословакии Эдуарда Бенеша в преддверии Мюнхена и в дни позорной капитуляции, когда по диктату Гитлера, Муссолини, Даладье и Чемберлена Бенеш, проливая «крокодиловы слезы», безропотно открыл путь в Чехословакию гитлеровским танковым дивизиям.

Читатель ясно видит также, как по вине Бенеша, поддерживавшего произвол колонизаторов в Закарпатье, голодала обезлюденная Верховина, задерживалось развитие ее производительных сил, всячески преследовались ее лучшие сыны — верные защитники народа.

В яростной, отчаянной борьбе против угнетателей раскрываются характеры этих людей — положительных героев романа: Илька Горули, Олексы Куртинца, чешского агронома, последователя Мичурина — Ярослава Марека и других. Привлекает в этих образах прежде всего то, что это — глубоко человечные и сильные люди, люди большой воли, кипучей энергии.

Весьма выразителен многогранный образ Илька Горули — простодушного, сурового, самобытного борца за лучшую долю народа. Автор показывает этот характер в движении, прослеживая его становление на протяжении четырех десятилетий — от первой мировой войны до тех незабываемых дней, когда время в Закарпатье было «переставлено по сталинским часам».

Благороден и героичен руководитель закарпатских коммунистов Олекса Куртинец — образ, навеянный, несомненно, действительной историей жизни и смерти легендарного вожля коммунистов Закарпатья Олексы Борканюка. Жаль только, что Куртинец иной раз надолго исчезает из романа, и автор предоставляет читателю лишь догадываться о многих сторонах его отважной деятельности.

Обличая и клеймя чешскую буржуазию и венгерских завоевателей, М. Тевелев с сочувствием показывает трудящихся чехов, венгров, словаков. Весь роман проникнут духом пролетарского интернационализма. Лучшие его страницы посвящены дружбе чехов, венгров и закарпатских украинцев, которые под руководством коммунистов вели борьбу за общее дело освобождения своих народов от гнета капитализма. В романе много хороших, ярко выписанных сцен; подлинные факты истории Закарпатья гармонично сочетаются с личными судьбами вымышленных героев.

***

У каждого автора, опубликовавшего произведение в журнале, есть время критически оценить написанное, прислушаться к голосу читателей и при выходе отдельного издания дать более совершенный текст. Есть такая возможность и у М. Тевелева. Поэтому хочется обратить внимание автора этого талантливого, интересного романа на некоторые упущения.

Думается, что в романе есть много таких эпизодических персонажей, которые вовсе не обязательны для развития сюжета и вследствие этого оказались весьма невыразительными.

Автор не раз говорит о детской дружбе Ивана Белинца с маленькой батрачкой Оленой, с сыном бедняка Семеном Рущаком, но дружбы этой — сердечной и трогательной — не получилось. Она декларируется, но не раскрывается так, как, скажем, раскрыты во всей их сложности отношения Белинца с его приемным отцом Горулей.

Автору следует еще поработать над заключительными главами книги, повествующими о воссоединении Закарпатья с Советской Украиной. В них заметна излишняя торопливость. С бо́льшим, как мне кажется, подъемом надо нарисовать встречу Ивана Белинца с советским майором — агрономом Александром Гончаровым. Ведь это встретились братья, не видевшие друг друга тысячу лет!

Роман «Свет ты наш, Верховина...» задуман, как широкое историческое полотно, поэтому ищешь в нем отражения многих важнейших событий в истории Закарпатья последних десятилетий. В этой связи нам кажется, что М. Тевелев еще недостаточно полно использовал многие факты, разоблачающие вмешательство империалистов в дела Закарпатья и, в частности, их роль в подавлении Венгерской Советской Республики в 1919 году.

Нам могут возразить: не мог знать всего этого в годы своего детства главный герой-рассказчик Иван Белинец. Но ведь есть в романе такие слова:

«Проходят годы, и то ли признание, сделанное кем-либо, то ли документ, извлеченный из ставшего доступным архива, освещает минувшее новым светом, и ты вдруг видишь, что событие или целый период жизни, давным-давно определившиеся в твоем сознании, имели еще и другую, за семью замками скрытую от тебя сторону.

Вот и мне приходится теперь делить свой рассказ о школьных годах на то, что было явным, и то, что было от меня, да и от других, за семью замками, но что в конце концов стало известным много лет спустя».

В этих словах — своеобразный ключ, которым автор при желании мог открыть немало замков, за которыми скрыты важные и интересные тайны.

М. Тевелев мог значительно полнее показать зловещую роль Ватикана в многовековом порабощении Закарпатской Украины, в отрыве ее населения от украинского народа. Прочтите хотя бы один памфлет Ярослава Галана «Кровь и цепи» («Довольно») о католической агрессии в Закарпатье, и вы поймете, какой богатый фактический материал мог бы привлечь М. Тевелев для своего романа. К сожалению, автор уделил незаслуженно мало места разоблачению извечных врагов славянства — черных воронов Ватикана. Появляющийся в романе «пан превелебный» Новак слишком мелок, незначителен и показан в отрыве от своего руководящего центра. Хотелось бы, чтобы в романе наряду с экономическими поработителями народа, вроде отлично выписанного Матлаха, М. Тевелев глубже и шире показал и духовных поработителей, ловцов душ в черных реверендах.

Создавая образы Матлаха, Овсака, Лещецкого, М. Тевелев тем самым нанес сокрушительный удар по пресловутой теории украинских буржуазных националистов о так называемой «безбуржуазности украинской нации». Именно такие матлахи и породили украинский буржуазный национализм с его звериной человеконенавистнической практикой. Однако вся авантюра католического попа, монсиньора Августина Волошина по созданию прогитлеровской «Карпатской Украины»,— авантюра, высмеянная И. В. Сталиным в докладе на XVIII съезде партии, показана слишком бегло. Мы не ощущаем нитей, издавна связывавших Волошина с зарубежными центрами так называемой ОУН (Организация украинских националистов). Более глубокое, а не пунктирное разоблачение Волошина и его преступной деятельности помогло бы советским читателям и, в первую очередь, читателям Советской Украины еще более отчетливо представить себе кровавую деятельность презренных украинских буржуазных националистов, ярых врагов украинского народа.

***

Навсегда избавились от всех своих угнетателей труженики Закарпатья, о жизни которых с такой теплотой поведал нам М. Тевелев. Советская власть дала имя краю, который некогда называли «землей без имени», и свободные и счастливые жители Закарпатской области Советской Украины отныне и навечно вошли в дружную семью братских народов Советского Союза. В любом, даже самом отдаленном и глухом уголке этого края мы можем увидеть теперь свершение давних мечтаний положительных героев М. Тевелева. Пожелаем же автору этой умной и увлекательной книги, чтобы он не останавливался в своей работе и чтобы в отдельном издании романа судьбы его героев были показаны еще более полно и глубоко.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ФРАНЦУЗОВ

Бернар ЛАВЕРНЬ *

...Я — решительный противник создания так называемой «европейской армии», которая по существу была бы, в основном, армией германской, лишь прикрывающейся названием «европейской»... Может ли парламент ратифицировать этот договор? Ущемление суверенитета, обусловливаемое договором, столь значительно, что у парламента есть все юридические основания отклонить договор. И напротив, никаких оснований нет для принятия договора.

Действительно, следует резко разграничивать практическое осуществление суверенных прав — а лишь осуществление их и доверено парламенту — и отказ от этих прав. Отказ от суверенных прав происходит в том случае, когда создается закон или договор, нарушающий конституцию. Лишь при помощи презренных юридических вывертов можно доказать, что парижский договор соответствует нашей конституции. Ведь он лишает президента республики и наших министров права назначать по меньшей мере половину государственных служащих — всех французских офицеров. Это право передается иностранным властям! Ведь договор полностью лишает французский парламент права определять сроки военной службы и общую сумму военных расходов! В результате этого иностранные власти будут иметь все возможности нарушать равновесие нашего бюджета, а следовательно, обесценивать нашу валюту и изменять уровень цен, навязывая нам военные расходы, не соответствующие нашим ресурсам.

Если бы договор был ратифицирован, наш парламент превратился бы в комитет, принимающий к исполнению иностранные приказы, он был бы низведен до уровня своего рода департаментского генерального совета **. Франция, лишенная армии, перестала бы быть государством и стала бы аграрной провинцией так называемой объединенной Европы, иначе говоря, «Великой Германии», потому что так называемая объединенная Европа представляла бы собой восстановленную и модернизированную «священную германскую империю». Каждый образованный человек знает это.

Совершенно очевидно, что французский парламент не имеет права согласиться с тем, чтобы Франция исчезла с карты мира. Не имело никакого смысла бороться с немецкими оккупантами для того, чтобы через восемь лет снова попасть под иго бывших врагов.

Вот почему наш парламент не имеет права принять решение такой трагической важности.

Целью так называемой европейской армии была бы не «оборона» Европы, а ликвидация в течение двух-трех лет французского государства и превращение Франции, Италии, Германии и Бенилюкса в единое государство, управляемое почти исключительно... Германией. И мечта Гитлера о подчинении всей Европы немецкому владычеству имела бы все шансы осуществиться.

* Имя французского ученого, профессора Парижского университета Бернара Лаверня известно по написанным им книгам «План Шумана» и «Химера» объединенной Европы». Публикуем в сокращенном виде статью Бернара Лаверня, напечатанную в буржуазном французском еженедельнике «Карфур» 25 марта этого года.

** Генеральный совет департамента—один из органов местного самоуправления Франции.

Демонстрация трудящихся на улице Мо в 19-м округе Парижа, устроенная в знак протеста против боннского и парижского военных договоров и вооружения Западной Германии. На плакатах, которые несут манифестанты, надписи: «Долой новый реваншистский вермахт!», «Объединимся в борьбе против боннского и парижского договоров!», «За Пакт Мира между пятью великими державами!» и другие.

Снимок из французской газеты «Юманите»

„ГОД ФУЧИКА" В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Трудящиеся Чехословакии свято чтут память своего национального героя — Юлиуса Фучика. 23 февраля исполнилось 50 лет со дня его рождения, а 8 сентября отмечается десятилетие со дня его трагической гибели в немецком застенке. Правительство Чехословацкой республики приняло решение о проведении «Года Фучика». Для торжественного ознаменования памяти писателя создана правительственная комиссия, возглавляемая заместителем премьер-министра Вацлавом Копецким и Зденеком Неедлы. В состав комиссии вошли министр высших учебных заведений Ладислав Штолл, писатели Иржи Тауфер и Мария Майерова, Густина Фучикова и другие политические и культурные деятели Чехословакии.

В библиотеках и книжных магазинах организованы фотовитрины и выставки произведений Фучика. Бессмертная книга «Репортаж с петлей на шее» выдержала 111 изданий на 50 языках мира. Только в Чехословакии она вышла тиражом более 600 тысяч экземпляров. Готовится новое, прекрасно оформленное издание этой книги тиражом 50.000 экземпляров. Чехословацкие читатели уже получили 7 томов сочинений писателя. В этом году будут изданы два тома его политических статей. Готовятся к печати сборник воспоминаний «Последние дни Юлиуса Фучика» и сборник писем и отзывов о «Репортаже с петлей на шее», присланных многочисленными читателями со всех концов земного шара. В связи с проведением «Года Фучика», Союз чехословацких журналистов объявил конкурс на лучшую работу о жизни и творчестве Фучика и конкурс на лучший очерк о строительстве новой Чехословакии.

В газетах и журналах печатаются многочисленные статьи и воспоминания о Фучике. Издательство «Чехословацкий писатель» выпустило отдельными книгами поэму Пабло Неруды «Юлиусу Фучику» в переводе Витезслава Незвала и поэму Бориса Лихарева «Голос друга». В издательстве детской книги вышел сборник «Юлиус Фучик — герой нашего времени».

В сборнике напечатаны статьи и воспоминания В. Копецкого, Г. Фучиковой, Л. Штолла, Ю. Буряковского и других. Поступил в продажу альбом «Юлиус Фучик в фотографиях» и краткая биография Фучика, написанная Г. Фучиковой.

(Соб. инф. «Литгазеты»)

ЧЕГО ХОТЯТ НЕМЕЦКИЕ МАТЕРИ

Г-же Луизе Шредер *
Берлин, Темпельгоф
Улица Бёльшерштрассе, 121

Глубокоуважаемая г-жа Шредер!

Если я решаюсь, не будучи знакомой с вами, обратиться к вам сегодня с письмом, то я делаю это, как жена и мать и как студентка технического института (Берлин, Шарлоттенбург).

На этой неделе вы поедете в Бонн, чтобы принять участие в прениях в федеральном парламенте по поводу ратификации общего договора. Прежде чем вы отправитесь в эту поездку, выслушайте внимательно мою просьбу. Эта просьба выражает то, что чувствуют сотни тысяч немецких женщин.

Мы, женщины, после восьми лет мирной жизни с ее трудностями и радостями все еще страдаем от воспоминаний о муках и горе, которые принесла гитлеровская война. Мы не хотим допустить, чтобы на нашу родину обрушилась новая, еще более ужасная война и уничтожила все, что мы создали за эти восемь лет, ценою часто немалых жертв. Мы не хотим, чтобы наши дети в будущем страдали от нужды, мы не хотим, чтобы голод, болезни, страх и нищета угрожали нашим семьям, мы не хотим, чтобы наши мужья погибали.

Мы не хотим терять наших отцов и братьев. Мы хотим работать, путешествовать, ходить в театры, носить красивые платья, следить за своей внешностью. Мысль, что в случае новой войны все наши мечты и надежды погибнут, что вся наша работа пропадет втуне,— мысль эта так мучительна, что может разрушить всякое ощущение радости жизни.

Моя дочь родилась в начале 1946 года. Если у меня была решимость в такое тяжелое время родить ребенка, это значит, что я была тогда полна веры в жизнь. Я хочу сохранить жизнь своего ребенка. Я не хочу, чтобы ему пришлось бродить по улицам разрушенных городов больным и голодным, как бродят сейчас тысячи корейских детей. Я не хочу, чтобы он погиб в ужасных муках в огне напалмовых бомб.

Мы, женщины, мы, матери, говорим войне: «Нет!», мы говорим: «Нет!» парижскому и боннскому договорам. И поэтому я хочу просить вас, вас, которой придется в качестве депутата парламента голосовать в Бонне, подумать о том, что мы, женщины, никогда не поддержим политику насилия и войны.

Мы убеждены, что ратификация этих договоров не только не означает никаких гарантий, но, наоборот, превратит нашу родину в плацдарм новой войны.

В заключение письма я хочу коротко охарактеризовать настроения своих коллег по институту. Ни один человек из тех, кто учится со мной, не считает, что боннский и парижский договоры пойдут на благо нашей родине. Ни один из моих коллег не хочет служить в «европейской армии».

Против кого направлены эти договоры? Разве они не являются угрозой нашим братьям на востоке нашей родины, таким же людям, как вы и как я. Эти люди хотят жить, хотят учиться, хотят работать, хотят любить. Они нам гораздо ближе, чем те, которые прибыли из-за океана и полагают, что они должны здесь, на европейской земле, «защищать свои интересы». Мы, студенты, с самого конца войны стремились добиться своей цели — получить высшее образование. Мы терпели лишения, мы работали, учились и снова работали. Жизнь была часто жестокой к нам, и вот теперь, когда мы стоим непосредственно перед окончанием высшей школы, нас хотят лишить каких бы то ни было возможностей свободного развития наших способностей. Нет, мы не допустим, чтобы наша учеба пошла прахом. Мы хотим, чтобы наши знания пошли на пользу человечеству. Именно поэтому мы не желаем поддерживать приготовления к третьей мировой войне и никогда не согласимся направить оружие против наших братьев в Германской Демократической Республике.

Множество взоров направлено на вас в эти решающие дни. Достаточно ли будет, если вы просто проголосуете против милитаристских договоров? Нет, этого будет недостаточно. Ваша задача — задача социал-демократии — состоит в том, чтобы открыто и мужественно выступить за единство действий всех немцев против чреватых роковыми последствиями договоров. Будьте уверены, что все женщины и матери будут благодарны вам от всего сердца.

Я заканчиваю свое письмо, горячо надеясь, что вы, дорогая г-жа Луиза Шредер, поступите, как подлинная представительница народа. **

Глубоко уважающая Вас

Ингрид ШЛИКЕР,
кандидат на звание дипломированного инженера-химика

* Луиза Шредер — депутат боннского парламента, член социал-демократической партии. Это адресованное ей письмо было написано в марте 1953 года, накануне обсуждения боннского и парижского договоров в бундестаге.

** Как известно, правые социал-демократы, под нажимом народных масс, голосовали в бундестаге против ратификации боннского и парижского договоров, зная к тому же заранее, что окажутся там в меньшинстве. В верхней палате боннского парламента (бундесрате) большинство принадлежит правым социал-демократам. 24 апреля бундесрат постановил отложить ратификацию военных договоров, легализующих возрождение гитлеровского вермахта. Таким образом, социал-демократы не «осмелились» открыто выступить против боннского и парижского договоров. Стремясь сохранить доверие избирателей, они предпочли средний путь—путь отсрочки решения (Ред.).

Объединенная Германия, какой она представляется мистеру Аденауэру.

Рисунок из немецкой газеты «Нейес Дейчланд»

КАРТИНЫ ЖИЗНИ

В конце прошлого года, по инициативе Министерства информации и просвещения Чехословакии, была организована поездка 50 чехословацких художников на крупнейшие стройки страны.

Три месяца художники работали на строительстве Липненской, Слапской, Кличавской и Вирской плотин, металлургического комбината имени К. Готвальда в Остраве и на других новостройках.

Сварщик Франтишек Стеклый (Новая Острава). Рисунок художника Православа Совака

Художник Православ Совак, посетивший строительство металлургического комбината имени К. Готвальда в Новой Остраве, рассказывает в своей корреспонденции, напечатанной в чехословацком журнале «Квсты»:

«Анне Петровой уже семьдесят два года, а она все еще работает в нашем Донбассе, на складе бетона у рудничного моста. Когда я рисовал ее, она рассказала, что на том месте, где сейчас сооружается металлургический завод, раньше было помещичье поле. Больше пятидесяти лет работала Петрова на этом поле батрачкой за гроши.

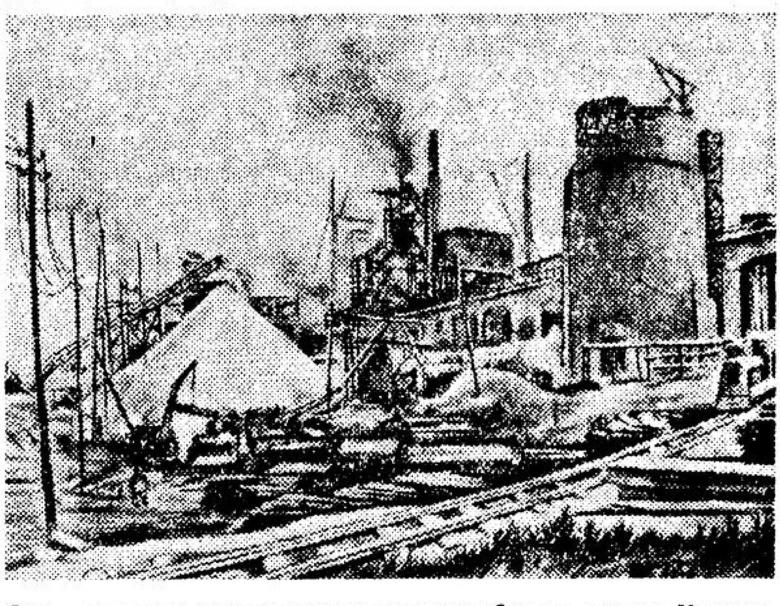
— А сейчас и я строю вместе с молодежью, — улыбается Анна Петрова, поправляя платок на голове. На ее лице, изборожденном морщинами от тяжелой жизни, сияет улыбка мудрого понимания всего, что было раньше и что есть теперь. — Без работы я бы жить не могла. На покой мне не хочется, да и не подходящее это для меня дело».

Бетонщица Анна Петрова (Новая Острава). Портрет работы художника Православа Совака

Творческим отчетом побывавших на стройках художников явилась выставка, организованная в Праге. На ней было представлено 190 работ: рисунков, картин, эскизов, скульптур, отражающих гигантское строительство, показывающих передовиков труда.

Как сообщает чехословацкий журнал «Свет в образех», работавшие на новостройках художники намерены укрепить свою связь со строителями. В текущем году они вновь побывают на строительных площадках, чтобы в новых произведениях прославить труд на стройках социализма.

Строительство металлургического комбината имени Клемента Готвальда. Рисунок художника Зденека Начела

ГОРДОСТЬ ВЕСПРЕМА

Веспрем — один из древнейших венгерских городов. Он расположен на скалистой возвышенности, открытой со всех сторон ветрам. Во время второй мировой войны гитлеровцы и салашисты разрушили в городе большую часть городских зданий. После освобождения Веспрем пробудился к новой жизни. За последние годы он изменился до неузнаваемости.

«Гордость вновь возрождающегося города, — пишет газета «Сабад неп», — строящийся университет. Из пяти корпусов учебного заведения четыре уже окончены».

Газета сообщает о прекрасном оборудовании аудиторий, лабораторий и мастерских нового университета, снабженных сложными приборами, полученными из Советского Союза. Напротив университета построена большая библиотека.

«В древнем городе, расположенном на четырех холмах, — пишет «Сабад неп», — лишь четыре года тому назад началась подготовка к строительству университета. С тех пор на строительство потрачено около ста миллионов форинтов. Вместе с университетом растет город, оживают старинные улицы, всюду краснеют кирпичные стены новых домов».

Газета указывает, что в этом году университет выпустит 68 молодых специалистов, а в будущем году количество выпускников увеличится до 200 человек.

Почему я написал „Курс на Фрагала́"

Литература стран народной демократии вносит ценный вклад в дело укрепления братских связей трудящихся всего мира, в дело воспитания народных масс в духе пролетарского интернационализма. Писатели этих стран создали целый ряд талантливых произведений, посвященных жизни и борьбе трудящихся за рубежом.

Книга лауреата Сталинской премии, китайской писательницы Дин Лин «Путевые заметки» рассказывает о жизни народов Советского Союза и стран Юго-Восточной Европы. Лауреат международной Сталинской премии мира немецкая писательница Анна Зегерс в своем цикле рассказов «Первый шаг» показывает, как приходят к борьбе за мир рядовые труженики разных стран. Большой интерес представляет книга чехословацкого писателя Л. М. Паризека «Рассвет над Африкой» — история негритянского юноши, ставшего борцом за мир.

О борьбе корейского народа рассказывает в своей книге очерков «Героическая Корея» болгарский писатель, лауреат Государственной премии Георгий Караславов. Жизнь японского народа, полная трудностей, показана в книге «Империя голода» болгарского писателя Святослава Минькова.

Польский писатель, лауреат Государственной премии Мариан Брандыс, во время своей поездки по Италии в 1949 году, написал ряд очерков, собранных в книге «Итальянские встречи». Эта книга, освещающая различные стороны общественной жизни Италии, уже знакома советским читателям.

В прошлом году в Польше была отмечена Государственной премией первой степени повесть писателя Юлиана Стрыйковского, рассказывающая о борьбе калабрийских крестьян за землю, «Курс на Фрагала́».

Юлиан Стрыйковский в течение трех лет находился в Италии, работая корреспондентом Польского агентства печати.

Журналистская деятельность дала возможность писателю накопить богатый материал, на основе которого он создал правдивое боевое произведение. Как сообщала польская печать, повесть Ю. Стрыйковского была высоко оценена прогрессивной итальянской общественностью и переведена на итальянский язык. В июле прошлого года Общество итало-польской дружбы организовало творческий вечер Ю. Стрыйковского. Через два дня после этого вечера Ю. Стрыйковский получил от итальянских властей приказ немедленно покинуть Италию.

«Курс на Фрагала́» был достойно оценен в «высших кругах»,— пишет польский еженедельник «Новая культура».— Писатель, который увидел больше, чем видит обычный турист... и сформулировал обвинение против итальянской буржуазии, стал «нежелательным иностранцем».

Мы публикуем в сокращенном виде статью Ю. Стрыйковского «Почему я написал «Курс на Фрагала́», в которой писатель рассказывает о своих встречах с простыми людьми Италии и о работе над повестью.

Почему я написал «Курс на Фрагала́»?

Одна из причин — хоть и не решающая —понятное каждому писателю стремление проявить себя в наиболее близкой для него теме, иногда восходящей к ранним годам его жизни, преследующей его образами и требующей своего художественного воплощения.

Для меня такой неотступной темой была тема социальной несправедливости, безвыходность положения, нищета, страх перед голодом не одного человека, а целых общественных слоев.

Еще в детские годы в одной из захолустных прикарпатских деревенек, а потом в маленьком городишке, куда переехали мои родители, я видел и испытал нищету и страх перед голодной смертью, страх перед безвыходностью положения. Все это, как в кривом зеркале, отражалось в моих ранних рассказах, в пессимистическом тоне концовок, в гибели моих героев.

Хотя из этих первых юношеских опытов ничего не сохранилось, сегодня они мне представляются выражением неосознанного стремления проложить себе путь в литературу, выражением поисков единственно правильного взгляда на мир. Эти поиски и привели меня в ряды Коммунистической партии Польши, вооружившей меня марксистско-ленинским мировоззрением.

Нет ничего удивительного в том, что столкновение с неописуемой нищетой в Италии воскресило во мне прошлое желание, но теперь это было уже сознательное стремление показать людей, борющихся с социальной несправедливостью.

Когда я ехал в Италию, у меня не было заранее намеченных литературных планов. В поезде, который шел из Венеции в Рим, я столкнулся с явлением, весьма характерным для Италии. Я увидел неграмотного солдата, не умевшего даже определить по часам время. Мне было трудно в это поверить. Когда я показал ему часы, не зная еще, как по-итальянски ответить на его вопрос — сколько времени, мой собеседник покачал головой. «Не умею»,— признался он со свойственной итальянцам простотой и непосредственностью... Человек, который стоял рядом со мной в коридоре и говорил по-французски, рассеял мои сомнения. Я спросил, откуда родом этот солдат. Оказалось, из Калабрии. Так произошла моя первая встреча с Калабрией. Это было в январе 1949 года.

Мысленно я часто возвращался к этому калабрийцу. А в октябре того же 1949 года в Калабрии, в деревне Мелиссе, которая в повести «Курс на Фрагала́» носит название Рокка ди Дзольфо, собратья этого неграмотного солдата предприняли неудачную, правда, попытку занять заброшенные помещичьи земли в долине Фрагала́, оставив на поле боя с карабинерами трех убитых. Это были жертвы террора итальянских помещиков на юге Италии.

После разгрома фашизма, когда освободительный подъем охватил итальянский народ, помещики в страхе бежали в Неаполь, Рим и даже за границу. Но уже в 1948 году они вновь почувствовали себя сильными и перешли в атаку на права народа, завоеванные кровью партизан, чьи могилы рассеяны по склонам Апеннин и Доломитовых Альп.

События в Мелиссе потрясли всех честных итальянцев, которые ненавидят фашизм и войну. Раздались голоса, требующие, чтобы была сообщена правда о событиях в Мелиссе. Тогда центральный орган Коммунистической партии Италии «Унита» организовал поездку журналистов по южной Италии.

Мы ежедневно бывали в Мелиссе. Здесь произошла моя вторая встреча с Калабрией.

В 1939 году, когда мне пришлось покинуть Варшаву и бежать от гитлеровцев, я прошел пешком Полесье. В то время это была, если можно так выразиться, польская Калабрия. Впрочем, как я уже сказал, деревенская бедность мне была хорошо знакома еще с детства. Но то, что я увидел в Мелиссе, превосходило все мои представления о пределе человеческой нищеты. Я был потрясен. Но еще больше потрясли меня встречи с людьми.

Нужно знать горячий темперамент итальянцев, нужно воочию видеть итальянские похороны в деревне со всеми обрядами, восходящими еще к языческим временам, с криками, рыданиями, чтобы оценить спокойную печаль жителей Мелиссы, провожающих нас в долину Фрагала́, на могилу трех сельскохозяйственных рабочих, убитых карабинерами. Жители Мелиссы стояли с непокрытыми головами, повернувшись лицом в сторону бескрайних земель помещика Берлинджьери, и молчали. Среди них были близкие родственники убитых.

Бедняки Мелиссы знали, что выход есть, и они выбрали путь. Их сознание было разбужено и формировалось условиями жизни. В повести «Курс на Фрагала́» я и поставил себе целью показать рост сознательности крестьян в процессе борьбы, роль передовой партии, как фактора, ускоряющего это развитие, как фактора, имеющего решающее значение для изменения самого общества. Мне хотелось показать, как организованная и руководимая сознательная борьба воздействует на жизнь, создавая предпосылки победы. Я решил закончить свою повесть победным аккордом, несмотря на то, что борьба в Мелиссе в 1949 году закончилась поражением. Сельскохозяйственным рабочим Мелиссы не удалось тогда занять помещичьи земли в долине Фрагала́. Мы видим, что в действительности конец был иной, чем в повести. Но было ли это с моей стороны фальсификацией фактов? Нет. При встрече с крестьянами Мелиссы я убедился в том, что они считают свое поражение временным, а победу обязательной и неизбежной.

На последнем съезде Коммунистической партии Италии, который происходил в Риме в 1951 году, я вместе с моими итальянскими товарищами испытал большую радость. Во время заседания Конгресса на сцену вышла делегация сельскохозяйственных рабочих Мелиссы и преподнесла в подарок Тольятти горшок с пшеницей. По обычаю итальянских коммунистов во время праздников и партийных торжеств руководителям преподносятся подарки. Этот обычай носит символический характер: каждый трудящийся хочет поделиться со всей партией плодами своего труда и лучшими достижениями. Зерна пшеницы, привезенные из Мелиссы, были из первых урожаев, снятых с полей Фрагала́. В 1951 году эта земля была уже отвоевана. Через два года после поражения сельскохозяйственные рабочие Мелиссы запахали землю в долине Фрагала́.

Показать воздействие на жизнь организованной борьбы людей, объединенных в один коллектив—большой или малый,— такую цель ставит перед собой каждый революционный писатель, чье перо служит идеям преобразования мира и человека. Была у меня и другая цель, «индивидуальная», если так можно выразиться. Она была подсказана близким моим знакомством с Италией, с народом этой страны.

Как только я приехал в Рим, в тот же вечер я пошел знакомиться с городом. Первое, что мне бросилось в глаза,— это необычайно резкие контрасты: невиданная роскошь, богатые витрины, поток великолепных лимузинов на красивых улицах и бедные кварталы, ватаги оборванных ребятишек, ничем не прикрытая нищета. Выехав из рабочего квартала Сан-Джованни, наша машина попала на Пьацца Венеция. На этой самой красивой площади Рима происходила демонстрация безработных. За время моего трехлетнего пребывания в Италии я видел более мощные демонстрации, чем эта, более грандиозные, даже более боевые, с настоящими уличными схватками, например, демонстрации против Северо-атлантического пакта. Я помню колонны бастующих рабочих, первомайские митинги на Пьацца дель Пополо, но демонстрация безработных, которую я видел в день приезда, сильнее всего запечатлелась в моей памяти. Вспомнились мне такие же демонстрации в Польше до 1939 года... Итальянский карабинер бил рабочих палкой по голове, как и польский полицейский. Мне казалось, что время вдруг повернуло вспять. То, что было для римских безработных действительностью, для меня — навсегда исчезнувшее прошлое...

Никогда я не чувствовал себя чужим среди итальянских рабочих и крестьян. Общими были наши желания. Общим был наш язык. И в далекой скалистой Мелиссе, среди сельскохозяйственных рабочих, я был среди своих.

...Выступая на творческом вечере в Риме, я сказал своим итальянским друзьям: «Я должен был написать эту повесть».

Это было сознательное стремление, рожденное чувством интернациональной солидарности. Я считал своей обязанностью в меру своих скромных сил выразить свое восхищение, свою любовь к итальянскому народу. Я считал своей обязанностью помочь своей книгой друзьям из Мелиссы.

Один из рисунков итальянского художника Ренато Гуттузо, которыми иллюстрирована книга Ю. Стрыйковского «Курс на Фрагала́». Изображенный на рисунке итальянец пишет углем на стене имена батраков, погибших в борьбе за землю.

На том же творческом вечере в Риме я сказал также, что писал «Курс на Фрагала́», думая о сегодняшней польской деревне. Я хотел показать нашему крестьянину трудную борьбу его товарищей в далекой Калабрии, борьбу за то, что́ польский крестьянин уже получил восемь лет тому назад. Я хотел показать колеблющемуся человеку на примере героя повести Сальваторе, как труден, сложен путь развития сознательности и что это единственный правильный путь.

Таков мой ответ на вопрос, почему я написал повесть «Курс на Фрагала́».

Юлиан СТРЫЙКОВСКИЙ,
лауреат Государственной премии Польши

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б00839.